

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪТІИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВОСПИТАНІЕ НА ЗАРЬ ХРИСТИАНСТВА.

(Окончаніе) ¹⁾.

V.

Обьясненія годичныхъ праздниковъ, Паломничества. Воспитаніе христіанскаго характера и развитіе нравственной личности, какъ результатъ воспитанія. Общее заключеніе.

И не одно только изученіе слова Божія ведетъ къ богопознанію. Нѣтъ, заботливые родители должны пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для цѣлей назиданія.

При этомъ особенное вниманіе ихъ должно быть обращено на всѣ церковныя установленія, имѣющія своей цѣлю духовно воспитывать человѣка. „Богъ вложилъ особое влеченіе въ природу родителей, говоритъ по

¹⁾ См. № 5, 6, 7 и 8.

этому поводу св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы поставить ихъ въ неизбѣжную необходимость заботиться о дѣтяхъ. А въ послѣдствіи въ своихъ изреченіяхъ Онъ преподавалъ намъ и законы касательно попеченія о нихъ, и, учреджая праздники, повелѣлъ объяснять дѣтямъ причину (установленія) ихъ; такъ, сказавъ о пасхѣ, Онъ присовокупилъ: *и возвѣстими сыну твоему въ день онъ, глаголя: сего ради сотворилъ Богъ мнѣ, егда исхождахъ изъ Египта* (Исх. 13, 8). То-же самое дѣлаетъ Онъ и въ законѣ, потому что, сказавъ о перво-рожденныхъ, опять присовокупляетъ: *аще спроситъ тя сынъ твой по сихъ, глаголя: что сіе? речешь ему: яко рукою крѣпкою изведе насъ Господь изъ Египта, изъ дому работы. Егда бо ожесточися Фараонъ отпустить насъ, избди (Господь) всякаго первенца въ земли египетскѣй, отъ первенца человѣка до первенца скотія: сего ради азъ въ жертву приношу Господу всякое разverzающее ложесна мужескъ полъ* (ст. 14, 14). Всѣмъ этимъ Онъ внушаетъ вести дѣтей къ богопознанію. И самимъ дѣтямъ Онъ заповѣдуетъ многое относительно ихъ родителей, награждая послушныхъ, а неблагодарныхъ наказывая, и такимъ образомъ дѣлая ихъ еще болѣе любезными для родителей“. ¹⁾

Впрочемъ, изученіе священнаго писанія и знакомство съ установленіями Церкви—это лишь одна сторона воспитанія дитяти. Св. отцы и учителя Церкви ни словомъ, ни примѣромъ своей собственной жизни не осуждали ребенка на замкнутость и не порицали его скромныхъ развлеченій. Правда, шумныя празднества язычниковъ, народныя зрѣлища, народныя собранія они не посѣщали и предоставляли ихъ,

¹⁾ Твор. св. Іоанна Златоуста т. 1-й; посл. къ вѣрующ. отцу, стр. 86.

по словамъ св. Григорія Богослова, другимъ; но за то для возбужденія живого религіознаго чувства они со-вѣтовали съ самой ранней поры водить ребенка въ храмъ. Случалось, что для этой цѣли благочестивые родители даже выбирали себѣ квартиры въ такомъ домѣ, который былъ какъ можно „ближе къ церкви“. Вслѣдствіе этого для хрістіанскихъ юношей открывалась полная возможность, какъ выражается св. Григорій Богословъ, найти „раннія условія вести божественную жизнь“. ¹⁾ И дѣйствительно, у всѣхъ извѣстныхъ въ послѣдствіи своимъ благочестіемъ и глубокимъ хрістіанскимъ просвѣщеніемъ юношей первую и почти единственную знакомою дорогою была дорога въ храмъ. „У обоихъ насъ, пишетъ св. Григорій Богословъ о себѣ и о другѣ своемъ св. Василиѣ Великому, одно было упражненіе—добродѣтель... Къ сей цѣли мы направляли всю жизнь и дѣятельность, и заповѣдію къ тому руководимые, и поощрявшіе другъ друга къ добродѣтели... Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна—это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая—это вторая и неравнаго достоинства съ первой, вела къ наставникамъ наукъ вѣшнихъ. Другія-же дороги—на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія, на пиршества, предоставляли мы желающимъ“. ²⁾ Такъ-же, можно сказать, подѣ сѣнію храма, воспитывала Эмилиа, мать св. Василія Великаго, свою дочь. „Греки, говоритъ ея жизнеописатель, начинали обученіе дѣтей почти всегда съ бас-

¹⁾ ср. Церк. Истор. повѣств. А. Лебедева, стр. 118.

²⁾ Творенія св. Григорія Богослова. Изданіе третье, часть 4-я, Москва, 1889 г. стр. 60., надгробное слово св. Василію Великому.

ней и нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній; Эмилиа увидѣла, что въ языческихъ произведеніяхъ много мыслей и картинъ оскорбительныхъ для чистой души. Потому она приняла за учебныя книги священныя пѣсни Давида и притчи Соломона... Эмилиа учила дочь и пѣнію, но не давала ей пѣть пѣсни Анакреона и Сафо. Все, что могло оставлять въ юной душѣ впечатлѣнія гнилости и смрада нравственнаго, мать удаляла отъ взора и слуха юности. Матери сами водили дѣтей въ театръ и амфитеатръ. Эмилиа признавала, что и то уже невознаградимый вредъ отъ театральныхъ зрѣлищъ, что они отучаютъ душу отъ любви къ труду и приучаютъ къ легкомыслию и разсѣянности. Она обучала дочь женскимъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству, тѣмъ болѣе, что трудъ физическій укрѣплялъ ея здоровье. Послѣ домашнихъ занятій Эмилиа водила дочь въ храмъ Божій слушать священныя пѣсни и молитвы... 1) Подобнымъ же образомъ воспитывалась, во времена блаженнаго Иеронима, благочестивая дѣвица Павла, которая укрѣплялась въ премудрости и благодати, съ раннихъ лѣтъ ходила „въ храмъ истиннаго Отца вмѣстѣ съ родителями своими“... 2)

Были у древнихъ хрістіанъ и другія излюбленныя мѣста, куда они охотно совершали паломничества съ своими дѣтьми. Это были монастыри и катокомбы. Въ первыхъ они обыкновенно посѣщали благочестивыхъ подвижниковъ, наслаждались ихъ бесѣдой, испрашивали у нихъ дѣтямъ благословеніе и наставленіе, что особенно, напримѣръ, любила дѣлать мать

1) Ср. Филаретъ архіеп. Черниговскій: „Житіе св. женъ подвижницъ“.

2) Бл. Иеронимъ, ч. 3-я, стр. 9.

блаженнаго Теодорита, еженедѣльно ходившая съ малюткой сыномъ къ благочестивымъ антиохійскимъ монахамъ 1). Во вторыхъ, т. е. въ катокомбахъ—въ этихъ древнихъ храмахъ и усыпальницахъ первохрістіанъ и сонма мучениковъ, дѣти, подѣ руководствомъ родителей и наставниковъ, оживляли юную душу священными воспоминаніями хрістіанской древности. Здѣсь, въ нѣдрахъ земли, гдѣ, по словамъ поэта, говорятъ даже камни 2) о той великой борьбѣ, которую пережила юная Церковь Хрістова, невольно, разумѣется, воскресали въ сознаніи образы тѣхъ святыхъ мучениковъ, кровь которыхъ была сѣменемъ для послѣдующихъ хрістіанъ, и вѣра и любовь которыхъ побѣдила въ концѣ концовъ всю языческую злобу... И эти священныя воспоминанія, вызываемыя священными убѣжищами первыхъ хрістіанъ въ тяжкія времена гоненій, конечно должны были полагать въ юныя души хрістіанскихъ дѣтей прочныя основы живого религіознаго чувства. Такое, по крайней мѣрѣ, значеніе приписываетъ этимъ воспоминаніямъ блаженный Иеронимъ, съ любовью посѣщавшій подземелья въ часы отдохновенія. „Когда я былъ еще отрокомъ въ Римѣ и изучалъ свободныя науки, говоритъ онъ о себѣ, то вмѣстѣ съ своими сверстниками, которые были со мною однихъ лѣтъ и мыслей, я имѣлъ обычай въ воскресные дни посѣщать гробницы апостоловъ и мучениковъ, спускаться часто въ катокомбы, гдѣ въ глубинѣ земной, по обѣимъ сторонамъ пути, въ стѣнахъ сокрыты тѣла погребенныхъ и гдѣ такая темнота, что здѣсь почти сбывается это

1) Ср. А. Лебедевъ, Ц-истор. повѣств., стр. 27.

2) Ср. Фрикень, Римскія Катакомбы, Москва, 1872 г. ч. 1-я. Стр. 39.

пророческое изрѣченіе: *да снідуть во адъ живи* (Пс. 54, 16).¹⁾

Указываютъ св. отцы и учителя Церкви и иныя средства и способы заполнять праздное время дитяти. Благочестивая избобрѣтательность древнихъ хрістіанъ была также неистощима, какъ и предприимчивость языческихъ родителей и наставниковъ. Поэтому первенствующіе хрістіане не боялись ничего такого, что не вносило растлѣвающаго вліянія въ нравы ихъ дѣтей, не мѣшало образованію нравственной личности. Такъ, напримѣръ, они не обѣгали свѣтскихъ наукъ, если онѣ развивали умъ и не омрачали грѣхомъ душу; они не пренебрегали искусствомъ, если оно облагораживало человѣка и не заражало страстными помыслами его сердца; они не избѣгали дружеской бесѣды, если здѣсь не слышалось оскорбительныхъ для хрістіанина словъ; они не пренебрегали опрятностію и чистотою одежды, если она не вносила духъ роскоши и излишества, отъ чего особенно совѣтовали родителямъ оберегать дѣвочекъ отцы и учителя Церкви²⁾. Отсюда видно, что хрістіанскіе родители и воспитатели боялись не знаній, но крайностей и односторонняго увлеченія ими.³⁾ Всѣ стремленія ихъ были направлены на то, чтобы создать изъ питомца *нравственную личность*, такъ какъ человѣкъ, по глубоко вѣрному святоотече-

скому убѣжденію, не можетъ быть средствомъ для чего то вѣшняго. Онъ *самъ* долженъ развиваться, *самъ* долженъ совершенствоваться, чтобы жить вѣчно. Человѣкъ—не случайный актеръ на аренѣ жизни, только исполняющій ту или другую общественную роль, нѣтъ, извѣстное положеніе въ свѣтѣ, тѣ или иныя обязанности, тотъ или другой кругъ дѣятельности,—это только условія, чрезъ которыя и при посредствѣ которыхъ развивается, проявляется и образуется нравственный характеръ человѣка. А потому религіозность въ воспитаніи, какъ основа и залогъ развитія нравственной личности человѣка, должна быть *универсальною*—общею для всѣхъ дѣтей, для всего юношества. Эта-то универсальность и составляетъ характерную черту хрістіанскаго идеала воспитанія⁴⁾, какой предносится благомыслящимъ людямъ Церкви Христовой на зарѣ Хрістіанства.

И если бы намъ нужно было говорить теперь о результатахъ указанной системы воспитанія, то онъ очевиденъ уже изъ того, что ни одна эпоха всемірной исторіи не давала такихъ образованныхъ и хрістіански-настроенныхъ членовъ Церкви Христовой какъ эпоха расцвѣта Хрістіанства. И причина этого кроется главнымъ образомъ, конечно, въ томъ, что зрѣлые и опытные наставники юной Церкви и просвѣщенные свѣтомъ Евангелія родители умѣли воспитывать въ своихъ ученикахъ и дѣтяхъ и хрістіанскую настроенность, и мудрую разсудительность, и благоразумную разборчивость въ выборѣ предлагаемаго ихъ вниманію. И неудивительно, поэтому, если слава о тогдашнихъ училищахъ разносилась далеко за предѣлы тѣхъ школъ,

¹⁾ Ср. Филаретъ арх. Черниг. Историч. уч. объ Отцахъ Церкви, т. 2-й, Петербургъ 1882 г. стр. 260. См. также твор. блаж. Иеронима ч. 1-я, Кіевъ, 1879 г. Жизнь блаж. Иеронима. стр. XIX.

²⁾ Вопросы объ особомъ значеніи религіознаго воспитанія дѣвочекъ мы намѣрены со временемъ коснуться отдѣльно.

³⁾ Подробнѣе объ отношеніи св. отцевъ и учителей Церкви къ обученію свѣтскимъ наукамъ см. у Миролюбова: „Педагогическія взгляды отцовъ и учителей Церкви“, Вѣра и Разумъ, 1899 г.

⁴⁾ Ibid. ср. № 21 стр. 579.

гдѣ они учились и потомъ учили. А слава такая о хрiстiанскихъ ученикахъ—была. „Хотя для другихъ (не безъ основанiя думаютъ такъ люди благочестивые) душепагубны Аѳины, воспоминаетъ свои юношескіе годы св. Григорій Богословъ; однако-же не было отъ нихъ никакого вреда для насъ, сжавшихъ и заградившихъ сердце. Напротивъ того, живя въ Аѳинахъ, мы съ Василиемъ Великимъ утверждались въ вѣрѣ; потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются. Черезъ сіе самое приобрѣли мы извѣстность не только у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особенно у знатнѣйшихъ мужей Эллады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ сдѣлалось это явно изъ разсказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ; а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ. Для всѣхъ мы были и слыли небезизвѣстною четвою“¹⁾. На ряду съ подобными выдающимися личностями, каковы св. Григорій Богословъ и св. Василій Великій, были извѣстны и болѣе скромные члены Церкви Хрiстовой, достойные, однако, удивленiя за свое благочестивое настроенiе и за свою твердость въ вѣрѣ. Имена лицъ, подобныхъ Нонъ, Моникъ, Макринъ, Азавелъ, Павлъ, Летъ, Емилиъ, о которыхъ съ восторгомъ отзываются св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, блаж. Августинъ, Иеронимъ и др., можно считать въ древней Церкви тысячами. И какъ высока въ дѣйствительности была ихъ жизнь и вѣра,

на это отвѣтитъ исторiя: объ этомъ скажутъ длинные списки мучениковъ и мученицъ, среди которыхъ были и убѣленные сѣдинами старцы и старицы, мужья и жены, юноши и дѣти, это подтвердитъ и Римъ, и Лiонъ, и Вьенъ, и Каррагенъ и другіе города, почва коихъ была обагрена кровью страдальцевъ за Хрiста, и глубокія подземелья—эти хранилища священныхъ останковъ мучениковъ и святыхъ мужей, и наконецъ вообще всѣ другіе безмолвные памятники глубокой древности... Да, исторiя жизни древнихъ хрiстiанъ—это поучительная, для современности, исторiя; поучительно и то, что она говоритъ о духовной мощи святыхъ богатырей, воспитанныхъ въ правилахъ вѣры и благочестiя.

Говоря объ особой, поучительной для современности, религіозной настроенности родителей и вообще наставниковъ юношества, мы были бы, однако, не правы, еслибы стали утверждать, что вся жизнь хрiстiанскихъ дѣтей проходила подъ исключительною опекою ихъ благочестивыхъ наставниковъ. Въ исторiи отцовъ и учителей Церкви нерѣдко отмѣчаются и факты иного рода, откуда видно что хрiстiанскіе родители часто отдавали своихъ дѣтей учиться у языческихъ наставниковъ, нисколько не опасаясь за чистоту ихъ хрiстiанскихъ убѣжденій и за сохраненіе ихъ хрiстiанскаго настроенiя. И дѣти, слушая науку, созданную гениемъ языческихъ народовъ, изучая въ кругу товарищей, на половину язычниковъ, сочиненiя языческихъ писателей, подъ вліянiемъ всего этого, менѣе всего благопріятствовавшаго хрiстiанству, не только не ослабляли своихъ хрiстiанскихъ убѣжденій и хрiстiанскаго настроенiя духа, но еще очищали, возвышали, расширяли и укрѣпляли ихъ при вы-

¹⁾ Твор. св. Григорiя Богослова, ч. 4-я стр. 61—62. Надгробное слово св. Василію Великому.

ходъ изъ среды и изъ подъ вліянія язычества. Отъ чего же выходило такое явленіе въ пользу хрістіанства, а не язычества? Извѣстно вѣдь, что вражда язычества къ хрістіанству, удаленная въ началѣ IV-го вѣка изъ судовъ и съ площадей, еще жива и свѣжа была именно въ школь и наукѣ языческой, гдѣ язычество все еще мечтало о побѣдѣ и гдѣ таилась скрытая ненависть къ хрістіанамъ... Разгадка этого страннаго, повидимому, явленія заключается несомнѣнно въ тогдашнемъ домашнемъ воспитаніи дѣтей со стороны хрістіанскихъ родителей и въ тогдашнемъ домашнемъ хрістіанскомъ благочестіи, которымъ проникалась и дышала семейная жизнь и дѣятельность хрістіанъ ¹⁾. А это еще рѣшительнѣе убѣждаетъ насъ въ особой жизненности и важности религіознаго воспитанія, которое такъ настойчиво совѣтовали запасать въ душу дѣтей св. отцы и учителя Церкви первыхъ вѣковъ.

Мы не дѣлаемъ частныхъ выводовъ и сопоставленій древнехрістіанскаго и современнаго воспитанія большинства дѣтей. Но, сближая первое и послѣднее, гдѣ домашняя жизнь и домашнее воспитаніе слишкомъ мало хрістіанскаго даютъ молодому поколѣнію, а гуманныя школы и науки недружелюбно относятся и къ тому небольшому запасу знанія и настроенія, какой выносятъ изъ домашней среды воспитанники этихъ школь и этихъ наукъ, мы не можемъ, выражаясь словами одного жизнеописателя блаженнаго Іеронима, оторваться душой отъ того добраго, благодатнаго времени, которое такъ много обличительнаго и поучительнаго можетъ передать на-

шему времени и нашему учащему и учащемуся поколѣнію... ¹⁾

Когда-то святыи Іоаннь Златоустъ въ слѣдующихъ словахъ обличалъ неразуміе отцовъ, заботившихся только о славѣ своихъ дѣтей: „когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не слышно ничего другого, кромѣ такихъ словъ: „такой-то человекъ нищій и изъ низкаго состоянія, усовершенствовавшись въ краснорѣчій, получилъ весьма выгоду, должность, приобрѣлъ большое богатство, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ“. Другой говоритъ: „такой-то, изучилъ италійскій языкъ, блистаетъ при дворѣ и вѣмъ тамъ распоряжается“. Иной опять указываетъ на другого, и всѣ—на прославившихся на землѣ а о небесномъ никто ни разу не вспоминаетъ; если-же иной попытается напомнить, то онъ прогоняется, какъ человекъ, который все разстроиваетъ. Итакъ вы, когда напѣваете это дѣтямъ съ самаго начала, учите ихъ не другому чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя сильныя страсти, то есть, корыстолюбіе, и еще болѣе порочную страсть—суетное тщеславіе. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ низвергнуть всё; а когда онѣ обѣ вмѣстѣ вторгнутся въ нѣжную душу юноши, то, подобно соединившимся бурнымъ потокамъ, извращаютъ всё доброе и наносятъ столько тернія, столько песку, столько сору, что дѣлаютъ душу бесплодною и неспособною ни къ чему доброму“ ²⁾.

Не слышится-ли здѣсь упрекъ и нашей современности?...

¹⁾ Ibid.

²⁾ Твор. св. Іоанна Златоуста, т. 1-й, Петербургъ, 1898 г. слово къ вѣрующему отцу, стр. 86.

¹⁾ Ср. жизнь блж. Іеронима въ 1 томѣ его творенія—стр. XI—XII, гдѣ подробно развивается эта мысль.

КАКАЯ ШКОЛА НУЖНА И ПОЛЕЗНА ДЛЯ НАРОДА ПО ЖИЗНЮ ЕГО СЯГОГО?

Намъ хочется рассказать краткую исторію возникновенія нашей Жестылевской школы. Мы не представляемъ ей общихъ положеній, потому что она предполагаетъ выводы, вытекающіе сами собой. Это общій смыслъ этихъ очевидныхъ выводовъ слѣдующій: горячо любить нашъ Русскій народъ свои школы, если онѣ отвѣчаютъ его духовнымъ потребностямъ, если руководители школы прислушиваются къ ихъ законнымъ требованіямъ и желаніямъ и воспитываютъ ихъ дѣтей не „для себя“, а для нихъ — поселянъ, для укрѣпленія въ нихъ того мощнаго — богатырскаго духа, который не разъ спасалъ Русь отъ невзгодъ...

I.

Въ то время, о которомъ мы хотимъ рассказывать, и къ которому относится возникновеніе школы, т. е. лѣтъ 12 тому назадъ, селеніе Жестылево и Торговцево, составляющіе нынѣ самостоятельный приходъ Жестылевскій,¹⁾ и дающія главнымъ образомъ учениковъ для Жестылевской школы, представляли собою захолустныя деревушки, отъ которыхъ до всего было далеко. Разумѣемъ здѣсь главнымъ образомъ училище, гдѣ сѣются добрыя сѣмена знанія, и приходскій храмъ, куда ходитъ нашъ поселянинъ съ своими скорбями и радостями. То и другое находилось въ 7 верстахъ. Понятно при этомъ, что храмъ свой Жестылевцы могли посѣщать лишь въ жаркое лѣто да студеную зиму, такъ какъ весной и осенью, за разливомъ

рѣчекъ и даже обваговъ, сообщеніе почти прерывалось. Дѣти же и совсѣмъ не посѣщали храма, потому что лѣтомъ, когда „большіе“ ходили къ службѣ пѣшкомъ (лошади въ виду полевыхъ работъ въ праздники отдыхали), они не могли слѣдовать за своими родителями по дальности разстоянія, а зимой ихъ не брали изъ боязни простудить. По лѣтамъ же самымъ побужденіямъ, то есть по дальности разстоянія, дѣти почти совсѣмъ не посѣщали и приходскаго училища. И такимъ образомъ дѣтство, самое воспримчивое къ добрымъ сѣменамъ, оставалось и безъ благодатнаго вліянія храма Божія и безъ обученія. Впрочемъ, послѣднее лишеніе кое-какъ восполнялось: поселяне посылали дѣтей своихъ или въ сосѣднее село (не приходское) „къ дьячку учиться“, или же отдавали „въ науку“ мѣстнымъ же обывателямъ, по большей части отставнымъ солдатамъ, зачастую и самимъ полуграмотнымъ.

И вотъ однажды, сознавая нужду въ болѣе толковомъ обученіи, Жестылевцы задумали устроить у себя школу и притомъ непременно школу церковную, которая хоть отчасти замѣнила бы ихъ дѣтямъ храмъ Божій, гдѣ бы они такъ же, какъ въ храмѣ, могли учиться преимущественно Закону Божію, церковному чтенію, церковному пѣнію и вообще всему церковному. Скоро отъ епархіальнаго начальства было получено разрѣшеніе къ постройкѣ школы и дѣло сооруженія школы быстро начало подвигаться впередъ. И старъ и малъ принялись за работу: крестьяне вырубали въ своемъ лѣсу на выборъ нужныя деревья

¹⁾ Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Моск. губерніи.

для устройства класнаго помѣщенія, одинъ изъ крестьянъ далъ свой мезонинъ для устройства помѣщенія учителю. Словомъ, какъ говорится, закипѣла работа. Соорудивъ школу и принадлежности, необходимыя для ея обстановки, поселяне выбрали „міромъ“ попечителя, который началъ дѣло своего попеченія о школѣ съ того, что „пожертвовалъ“ изъ своей избы два послѣднихъ стула и столъ для квартиры учителя, а кровать велѣлъ сдѣлать плотнику. И такъ была готова школа. Нужно нѣтъ, что она была и тѣсна, и низка, съ небольшимъ количествомъ свѣта, безъ ретирадъ—все это было, по мнѣнію строителей мелочами, незаслуживающими особеннаго вниманія... Епархіальное начальство прислало учителя и началось ученье. Такъ начала свое существованіе наша школа. Нужно ли говорить послѣ этого о томъ, что школа, какъ созданіе самого населенія, была ихъ любимымъ дѣтищемъ, о которомъ заботиться каждый считалъ своею обязанностью? И дѣйствительно, мы видимъ, что съ самаго начала своего существованія и доселѣ школа постоянно служить предметомъ особаго теплаго попеченія о ней населенія. Правда, это попеченіе проявлялось и проявляется въ мелочахъ, но многого бѣдняки—поселяне и не могутъ сдѣлать.

Такъ, съ самаго начала и до сегодня, — помы въ школѣ еженедѣльно моются безвозмездно матерями учащихся. И никогда не приходилось слышать выраженія недовольства, или отказа даже за недосугомъ,—это дѣло всегда исполняется охотно.

Бывали случаи пожертвованій книгами, особенно въ первое время существованія школы. Какой нибудь старецъ, узнавъ, что его внучку не хватило въ училищѣ псалтиря, прино-

сить свой старинный, очевидно отъ дѣдовъ доставшійся псалтирь, съ потемнѣвшими кожаными крышками, и, вручая его учителю или законоучителю, промолвить: „вотъ, батюшка, принесъ я вамъ... Книга-то дорогая, а у васъ ишь не веъмъ дается. Пусть поучатся по ней малыши. Авось и меня помянутъ старика...“ Эти пожертвованія не прекращаются и доселѣ, только теперь они направлены въ другую сторону. Довольные пѣнемъ дѣтей въ храмѣ, и устройствомъ небольшого хора, мѣстные благотворители и жертвуютъ больше или обиходъ церковнаго пѣнія, или просто рукописныя ноты, часто разрозненныя, купленныя любителемъ у книгопродавца, къ которому невѣдомо какими путями попали эти ноты.—Приносятъ часто ученики и цозументы, которые работаютъ ихъ родителями, къ лампадѣ предъ училищными иконами.

Бывали случаи и такого рода. Замѣтитъ кто либо изъ посѣтителей религіозно-нравственныхъ чтеній, (производящихся въ школѣ), что обѣлка печи начинаетъ сходить, беретъ кринку молока, мѣль, и не говоря никому ни слова, приходитъ и начинаетъ бѣлить печи.

II.

Тоже попеченіе крестьянъ о своемъ дѣтищѣ—школѣ сказалось и во время перестройки школы въ 1899 году, когда снова все населеніе приняло живѣйшее участіе въ хозяйствѣ школы. Еще прежде, чѣмъ ходатайствовать о перестройкѣ, мнѣ пришлось составлять смѣту расходовъ по постройкѣ. Не считая себя въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ, я сначала обратился къ специалистамъ: плотникамъ, лѣсопромышленникамъ.. Смѣта была составлена столь громадная, что нельзя

было и думать о возможности получить сумму. Нѣкоторые крестьяне, видя мое затруднительное положеніе, попросили показать смѣту. И когда я исполнилъ ихъ желаніе,—они тотчасъ начали разбирать её, и увѣрили меня, что можно ее нѣсколько сократить въ стоимости лѣса: „надо купить его въ какой нибудь дальней рощѣ, гдѣ лѣсъ дешевле за недостаткомъ сбыта, а перевезти мы поможем.“—заключили они свой совѣтъ. 1) Согласно ихъ указаніямъ, я составилъ новую смѣту и подаль прошеніе Совѣту объ отпускѣ нужной суммы. Епархіальный училищный Совѣтъ отпустилъ просимыя деньги. Но на нашу бѣду, въ это время, вслѣдствіе работъ по проведенію Савеловской жел. дороги, сильно поднялись въ цѣнѣ и лѣсъ и рабочія руки, такъ что и отпущенной суммы было весьма недостаточно для сооруженія школы. Что тутъ дѣлать? Но и тутъ пришли мнѣ на помощь тѣ же радѣтели школьнаго дѣла. Посоветовали купить какую либо старую стройку, подходящую для нашихъ цѣлей. „Теперь много продають строекъ, и хорошихъ“—увѣряли они меня. Нечего было дѣлать: согласился я съ ихъ совѣтами. Стали они же со мной ѣздить и осматривать предлагаемыя стройки. Когда была найдена подходящая стройка въ одной деревнѣ, отстоящей отъ Жестылева въ 6 верстахъ, да притомъ за рѣчкой, которую нужно было переѣзжать въ бродѣ, я сталъ задумываться надъ вопросомъ, во что мнѣ станетъ перевозка.... И тутъ они меня утѣшили: „не беспо-

койтесь, батюшка, мѣръ перевезеть!“.. Такъ и было сдѣлано и перевозка стройки обошлась, помнится, около 7 съ чѣмъ то рублей. Стоимость кирпича, необходимаго для столбовъ подъ школу и печь, взятаго съ церковнаго завода, крестьяне приняли на свой счетъ (отработавъ потомъ натурой: перевозкой кирпича въ городъ). Затѣмъ, при самой постройкѣ всегда находились многіе интересующіеся, а по вечерамъ прямо таки собиралась цѣлая комиссія, которая тщательно осматривала произведенныя работы, замѣчала ихъ недостатки, совѣтовала какъ здѣсь или тамъ нужно устроить и пр., такъ что многое было исправлено по указаніямъ, сдѣланнымъ не техниками въ строительномъ искусствѣ, а опытными хозяевами. И раскаяваться пока еще не приходилось.

Не оставляютъ свою помощь школу крестьяне и теперь. Такъ, состоятельные родители учениковъ безвозмездно перевозятъ къ школѣ изъ рощи дрова, купленныя для отопленія школы.

Но особенно ярко и существенно сказалось это сочувствіе и забота населенія о школѣ въ 1899 году, когда земство наше задумало ввести общую по уѣзду повинность на народное образованіе и сдало это дѣло на обсужденіе волостныхъ сходовъ. Тутъ-то наши крестьяне, не пользовавшіеся раньше услугами земства, а теперь въ нихъ не нуждавшіеся, такъ какъ ихъ вполнѣ удовлетворяла своя школа, всетаки согласились на предложеніе земства платить на народное образованіе, но съ тѣмъ, чтобы и ихъ школа церковная принята была на общую раскладку. И благодаря такому ихъ рѣшенію, наша школа получаетъ теперь 100 рублей содержанія отъ волости и 100 рублей субсидіи отъ земства, что и составляетъ главный, если

1) Принять болѣе существенное участіе въ перестройкѣ крестьяне при всемъ своемъ желаніи не могли; въ это время (да и теперь еще) строился каменный храмъ—такъ что всѣ усилія ихъ и возможныя жертвы направлялись на храмъ.

не единственный, источник содержания школы. Сочувствие населения къ школь не ограничивается заботами только объ школь и помощи ей. Любя школу, крестьяне уважаютъ и чтутъ и преподающихъ въ ней и стараются, по возможности, скрасить ихъ незавидное положеніе. Такъ, напр., одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ купилъ для обстановки квартиры учителя дюжину вѣнскихъ стульевъ, приличный обѣденный столъ, полированный, съ двумя откидными полками, окрасилъ полъ, и оклеилъ всю комнату обоями, что придало ей очень уютный видъ. Тотъ же крестьянинъ приобрѣлъ для школы прекрасный кіотъ на три иконы, обложенный краснымъ деревомъ и большой книжный шкафъ. Затѣмъ, обычно присылаютъ съ учениками учительницъ кринку молока, пятокъ или десятокъ яицъ, наблюдаемый во многихъ школахъ, есть и въ нашей школь.

Всѣ вышеизложенные случаи заботливой попечительности поселянъ о школь и о воспитывающихъ ихъ дѣтей — руководителяхъ пожалуй мелочны и незначительны сами по себѣ; но они дороги потому, что всѣ жертвы простого люда дѣлаются не отъ избытковъ, а изъ той же полунисенской суммы, изъ которой и сами жертвователи питаются; они важны для насъ, руководителей и учителей школы, какъ выраженіе довольства народа школой, какъ очевидный показатель того, что школа дѣйствительно служить народу и посильно выполняетъ тѣ задачи и требованія, которыя народъ къ ней предъявляетъ. Словомъ, та любовь, съ которою нашъ поселянинъ относится къ своей школь и къ добрымъ руководителямъ ихъ дѣтей есть лучший признакъ того, что онъ узнаетъ въ своей народной

школь родное дѣтище, питающееся общими всему русскому народу духовными началами—началами церковности.

III.

Нашъ русскій мужичекъ, не мѣшая своимъ дѣтямъ изучать ариметику, грамматику и вообще все то, что признаютъ нужнымъ просвѣщенные руководители, еще хочетъ, чтобы онъ былъ наученъ псалтири—онъ самъ несетъ ее въ школу и жертвуетъ на дѣло обученія... И если руководитель дѣтей беретъ псалтирь и даетъ его въ руки школьнику, то поселянинъ готовъ платить своимъ довѣріемъ, своею любовью за то, что и къ его голосу прислушиваются, и его желаніе признается законнымъ при обученіи молодого поколѣнія. А желаніе нашего поселянина видѣть преуспѣяніе своего дѣтища въ „божественномъ“—такъ понятно и такъ законно! Знакомый съ жизнью нашего малопросвѣщеннаго люда освѣдомленъ, конечно, и о томъ, какъ любятъ отцы и матери, чтобы ихъ сынишка, накануне великаго праздника, вечеромъ, при свѣтѣ мерцающей лампы, рассказаль исторію праздника, прочель бы тропарь и кондакъ ему съ поясненіемъ. „И таково-то хорошо,“—говорить въ такихъ случаяхъ услаждающійся чтеніемъ простой людъ,—„равно бы у монашенки какой учительной посидѣли, таково хорошо.“—При этомъ народъ желаетъ, чтобы дѣти умѣли читать именно по-славянски, причемъ требуютъ непременно „церковнаго“ чтенія. Мнѣ помнится одинъ такой случай: приходитъ ко мнѣ родитель одного ученика и заявляетъ, что его „Ванюшка неладно что-то церковное читаетъ.“ Это былъ одинъ изъ хорошихъ учениковъ и я съ удивленіемъ

спросилъ: „что же неладно?“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „да не по церковному“. Навожу справки и оказывается, что ученики дѣйствительно читаютъ по славянски речитативомъ. Объясняя учительницѣ, что это моль „неладно“. Особенно любить народъ, чтобы ученики читали въ церкви и это высшая награда для самихъ учениковъ, если имъ позволять читать шестопсалміе или часы въ церкви. И замѣчательно, что сами же ученики, независимо отъ чередныхъ уроковъ по славянски, считаютъ особеннымъ удовольствіемъ читать именно то, что читается въ церкви: и часы, и шестопсалміе всѣ ученики читаютъ особенно твердо.—Желаетъ также народъ, что бы ученики могли пѣть въ церкви и нужно видѣть то умиленіе народа, выражающееся у многихъ даже слезами, когда въ храмѣ поютъ всѣ ученики ¹⁾).

1) Что касается обученія дѣвочекъ, то народъ также относится къ этому съ большимъ сочувствіемъ, но ставитъ для него нѣсколько иныя задачи. Изученіе Закона Божія, церковнаго чтенія и пѣнія, обученіе чтенію и письму, народъ считаетъ необходимымъ и для дѣвочекъ. Но затѣмъ, онъ требуетъ болѣе основательнаго знакомства съ женскими рукодѣліями, въ особенности съ кройкой и шитьемъ, хотя бы въ ущербъ другимъ предметамъ. Доказательствомъ этого изъ жизни нашей школы служить то, что съ введеніемъ преподаванія рукодѣлія число учащихся у насъ дѣвочекъ сразу увеличилось на 30%; но при этомъ наблюдается и то знаменательное явленіе, что дѣвочку, прошедшую лишь два отдѣленія школы и въ тоже время изучившую все, что преподается по рукодѣлію, родители берутъ изъ школы, считая ея образование законченнымъ. Если къ этому прибавить, что въ старшемъ (3-мъ) отдѣленіи школы рукодѣліе не преподается по недостатку времени, необходимаго на выполненіе школьной программы для выпускнаго экзамена, то выводъ отсюда будетъ ясенъ; считая рукодѣліе особенно важнымъ для дѣвочекъ, народъ къ остальнымъ предметамъ, въ особенности

И вообще, нравится народу церковный духъ, который царитъ въ школь. Эти утреннія и вечернія молитвы, сопровождаемыя общимъ пѣніемъ, начіаніе и окончаніе каждаго урока молитвой, равно и всякаго дѣла—крестнымъ знаменіемъ и краткой молитвой, бесѣды съ учениками обо всемъ, слушающемся въ ихъ быту, въ религиозномъ духѣ, воспитывая самихъ учащихся, въ то же время привлекаютъ симпатіи и народа къ школь. Намъ не разъ приходилось слышать отъ родителей, приводящихъ дѣтей въ школу: „и некогда бы посылать мальчика въ школу—одиноки мы—и его руки у насъ на счету: намъ нужно работать, а онъ хоть бы съ ребятишками посидѣлъ. Да хочется и его человѣкомъ сдѣлать, чтобы всегда Бога помнилъ. Вонъ у сосѣдки сынъ учится, такъ тотъ и предъ обѣдомъ и послѣ обѣда прочтетъ особья молитвы, и утромъ и вечеромъ тоже свои молитвы читаетъ, такъ и поглядѣть-то любо. А въ церкви-то стоятъ, ровно бы и не наши дѣти: скромно, тихо, въ землю все молятся. И озорства-то прежняго нѣтъ: куда все дѣвалось! Ужь возьмите, батюшка, сынишку-то, научите уму-разуму; а ужъ мы какъ-нибудь перебьемся“. И такъ говорятъ, и если не говорятъ, то думаютъ почти всѣ крестьяне, и вотъ почему наша школа всегда переполнена учащимися грамматикѣ и подробной ариеметикѣ (этимъ предметамъ отводится самое значительное мѣсто въ 3-мъ отдѣленіи, между тѣмъ какъ Законъ Божій, славянское чтеніе и пѣніе бываютъ почти сполна изучены въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ, и новаго въ 3-мъ отдѣленіи почти уже не сообщается), относится съ равнодушіемъ. Гораздо полезнѣе и для народа желательнѣе были бы особья школы женскія, гдѣ, при сокращенной общей программѣ, отводилось бы больше времени на занятія рукодѣліемъ.

(свыше 50 человек), не смотря на малочисленность прихода (немного больше 100 домовъ) и распространенность среди населенія позументнаго ремесла, которымъ занимаются поголовно всѣ и которое кажется, должно бы отрывать дѣтей отъ школы для помощи старшимъ, въ роли хотя бы нянекъ при малолѣтнихъ братишкахъ и сестренкахъ.

И когда поселянинъ видитъ, что школа прививаетъ питомцамъ этотъ желанный нашему доброму люду духъ церковности, когда онъ привыкаетъ смотрѣть на школу, какъ на подготовительницу дѣтей къ религіозной жизни, онъ призываетъ ее за свое созданіе—за свое собственное дѣтище, и, при всей своей нищетѣ, окружаетъ ее самыми искренними заботами. По крайней мѣрѣ краткая исторія нашей Жестылевской школы не позволяетъ дѣлать намъ иныхъ выводовъ.

Въ виду такого близкаго соприкосновенія школы и народа, естественно, что приходская школа имѣетъ великое нравственное вліяніе на окружающее населеніе. Такая школа является уже не чѣмъ то постороннимъ чуждымъ народу учрежденіемъ, а именно созданіемъ и, такъ сказать, осязательнымъ воспроизведеніемъ духа народнаго, который въ глубинѣ своего сердца непремѣнно тяготеетъ къ религіозности и къ церковности и требуетъ поэтому отъ школы образованія въ томъ-же духѣ. И если она оправдываетъ его довѣріе, то народъ считаетъ ее вторымъ послѣ храма училищемъ вѣры и благочестія.

А для этого школа должна быть поближе, поближе къ Церкви и народу.... Въ этомъ залогъ дѣйственности школы—въ этомъ ея живая душа.

Свящ. Г. Добронравовъ.

ПРОТОІЕРЕИ ЖИХАНЪЗЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹⁾).

В своемъ Филаретовскомъ училищѣ онъ ревностно сталъ хлопотать объ открытіи общества вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ. Знакомый съ нуждою съ дѣтскаго возраста, онъ всею душою старался устроить это благотѣльное учрежденіе и собиралъ для сего пожертвованія между своими бывшими учениками и знакомыми. Богъ помогъ ему въ этомъ добромъ дѣлѣ, и общество открылось...

Но недолго пришлось послужить о. Михаилу и въ Филаретовскомъ. Проведенные имъ московскіе курсы обра-

тили на него вниманіе высшей церковной власти, и онъ былъ избранъ на открывшееся мѣсто помощника предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Только изъ послушанія волѣ начальства онъ рѣшился дать согласіе на такое высокое назначеніе. Ему тяжело было покинуть родную Москву, гдѣ такъ много было у него друзей, гдѣ протекла вся его жизнь... Съ грустью вспоминалъ онъ при этомъ святителя Сергія: „если бы живъ былъ покойный владыка, онъ не отпустилъ бы меня“, говорилъ о. Михаилъ. Отдохнуть ему опять не пришлось...

¹⁾ См. № 1, 2, 3, 4, 6, 7, и 8.

А между тѣмъ его здоровье требовало отдыха. Кажется, никто не вѣрилъ, что онъ боленъ: такимъ свѣжимъ, молодежавымъ, крѣпкимъ казался онъ. Но еще въ Филаретовскомъ училищѣ съ нимъ случился припадокъ болѣзни, которая уже тогда показалась загадочной. Онъ неосторожно сталъ на столъ и упалъ; казалось бы, простой ушибъ не могъ имѣть такихъ послѣдствій, какія имѣло это падение. Въ Петербургѣ осенью припадокъ повторился. Врачи не поняли болѣзни и лѣчили отъ плеврита, отъ катарра желудка... Въ январѣ 1899 года опять случился припадокъ... Между тѣмъ, не предполагая опасности, почившій съ энергіей работалъ... Дѣло, ему порученное, было такъ ему дорого, такъ велико... Онъ только что былъ назначенъ предсѣдателемъ издательской комиссіи при Училищномъ Совѣтѣ, и въ его головѣ назрѣвали самые широкіе планы — дать народу именно ту духовную пищу, какой онъ просить, — взаимѣнъ того, что даютъ ему непрощенные радѣтели народнаго просвѣщенія...

Въ служеніи сему дѣлу, дѣлу народнаго просвѣщенія и церковной народнаго школы, онъ видѣлъ завѣтъ великаго Царя-Миротворца, котораго онъ такъ благоговѣнно читилъ. Онъ не могъ равнодушно говорить о великомъ монархѣ, смиренномъ христіанинѣ: онъ его сравнивалъ съ Александромъ Невскимъ, и въ жизни покойнаго Государя находилъ поразительныя черты сходства съ событіями въ жизни древнерусскаго Великаго Князя... По выходѣ въ свѣтъ книги объ Александрѣ Невскомъ, онъ поднесъ ее почившему Государю, и ему было особенно отрадно узнать, что эта книга осталась раскрытою въ томъ Петергофскомъ кабинетѣ, гдѣ рабо-

талъ идеальный Русскій Царь-праведникъ...

Петербургъ встрѣтилъ о. Михаила съ радостью: ему нуженъ былъ такой беззавѣтный работникъ. Трудно было и представить себѣ какъ широко развернулъ онъ свою дѣятельность въ зиму 98—99 годовъ. Помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей по службѣ, онъ ревностно отдался работамъ съ цѣлю снабдить церковно-приходскія школы соответствующими ихъ задачѣ руководствами и пособіями; велъ по этому поводу большую переписку; чуть не каждую недѣлю произносилъ проповѣди въ синодальной церкви семи Вселенскихъ Соборовъ, печатая ихъ потомъ въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* или *С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ*; принималъ участіе въ Обществѣ религиозно-нравственнаго просвѣщенія и Братства Пресвятыя Богородицы; состоялъ членомъ Палестинскаго Общества и особой Комиссіи по изданію иконописнаго подлинника, учрежденной при Комитетѣ Императорскаго общества любителей древней письменности; сотрудничалъ въ двухъ духовныхъ петербургскихъ журналахъ. Его стали осаждать просьбами — сказать въ томъ или другомъ собраніи рѣчь, дать въ тотъ или другой журналъ статью, сказать тамъ или тутъ слово... Въ то же время не забывалъ и дорогой его сердцу Москвы. Попрежнему не выходило почти ни одной книжки *Душеполезнаго Чтенія*, въ которой не было бы одной или двухъ его статей; попрежнему принималъ онъ участіе въ ежегодно устраиваемыхъ въ Москвѣ богословскихъ чтеніяхъ и въ мартѣ 99 г. прочиталъ въ залѣ Синодальнаго училища лекцію на тему: „Церковь и общество“, для чего, уже большою, нарочно пріѣзжалъ въ Москву

Въ церкви Милующей Божіей Матери, близъ которой онъ поселился, о. Михаилъ велъ каждое воскресенье бесѣды, читая предъ тѣмъ акаѳисты. Говорилъ онъ на этихъ бесѣдахъ просто, задушевно, какъ отецъ съ дѣтми. И народъ цѣнилъ бесѣды о. Михаила: церковь всегда бывала полна слушателями. Никто не хотѣлъ послѣ собесѣдованія уйти изъ церкви, не получивъ отъ о. Михаила благословенія. Чтобы объяснить причину этого успѣха, позволимъ привести себѣ нѣсколько строкъ изъ одной ненапечатанной проповѣди о. Михаила. Намъ кажется, что высказывая въ этой проповѣди свой взглядъ на православнаго проповѣдника, о. Михаилъ какъ будто охарактеризовалъ съ этой стороны самого себя, и въ этой характеристикѣ заключается объясненіе того могущественнаго вліянія, которое оказывали его собесѣдованія на народъ.

„Православный проповѣдникъ“, говорилъ о. Михаилъ, „говорить не отъ себя, не во имя свое является на этой священной кафедрѣ. Нѣтъ!... Огонь, проникая желѣзо, не внутри только желѣза содержится, но выходитъ наружу и являетъ свою огненную силу. Такъ и сила Духа Божія, согрѣвая чье либо сердце, становится ощутительна и для другихъ. Станетъ ли такой человѣкъ говорить отъ чьей-либо духовности, все у него становится ясно и понятно, какъ среди дня, и слово его идетъ прямо въ сердце слушающихъ его и тамъ возжигаетъ святаго чувства. Да хоть и не говоритъ такой человѣкъ, такъ вѣетъ отъ него теплота, все согрѣвающая и сила дивная въ немъ, поразительно дѣйствующая на другихъ. Все это бываетъ съ тѣми, живущими въ комъ Божья сила, и живущими животворящая струя,

Живую душу пробудила...
 Во всѣхъ изгибахъ бытія“...
 „Будемъ вмѣстѣ молиться, чтобы Духъ Божій согрѣвалъ наши сердца, оживляя въ насъ душу. Теплая общая церковная молитва имѣетъ всепобѣдную силу: самъ Господь благоволитъ присутствовать среди собравшихся во имя Его и Ему молящихся. Господь среди насъ! Пусть эта мысль не отстаетъ отъ насъ ни на минуту въ храмѣ Божіемъ. О, вѣрьте, что Господь здѣсь взираетъ на насъ Своими свѣтлѣйшими солнца очами, что Онъ слышитъ сердечныя и проникнутыя вѣрою молитвы не только тогда, когда онѣ произносятся устами, но и тогда, когда онѣ зарождаются въ душѣ нашей,—и вы почувствуете дивную силу такой молитвы, вы будете выходить каждый разъ изъ храма обновленными, унося въ душѣ миръ, превосходящій всякій миръ. Есть нѣкоторый особенный путь общенія душъ черезъ сердце. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Одинъ духъ вліяетъ на другой чувствомъ. О, если бы согрѣтое силою Духа Божія чувство любви хрістіанской переливалось здѣсь изъ одного сердца въ другое, объединяя всѣхъ въ одну семью чадъ Божіихъ!
 „Если бы, выходя изъ храма Божія, мы могли напомнить себѣ и другимъ слова вдохновеннаго Златоуста: „Выходя изъ церкви, человѣкъ не учитъ, не проповѣдуетъ, но небесное спокойствіе на лицѣ его, но взглядъ его очей, самый голосъ — все въ немъ внятно говоритъ небывшимъ въ храмѣ, какую радость вкусилъ онъ, какое благо получилъ здѣсь!... Нѣтъ выше, нѣтъ лучше мѣста на землѣ, какъ горящій духомъ молитвы православный храмъ!
 „Будемъ собираться здѣсь съ теплою сердечной любовью къ храму Бо-

жю, къ общей братской молитвѣ,—и Господь ниспослетъ Свое благословеніе на всю нашу жизнь, на всѣ наши житейскія отношенія!“

Проповѣдывалъ онъ и въ синодальной церкви, къ которой былъ причисленъ. А его публичныя рѣчи заставляли о себѣ говорить и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Но эти рѣчи стоили ему бессонныхъ ночей: днемъ онъ не имѣлъ времени ихъ писать. Въ Москвѣ, на второй недѣлѣ поста, онъ читалъ блестящую лекцію о Церкви и обществѣ. Когда мы ѣхали съ нимъ въ одномъ экипажѣ на эту лекцію, онъ сказалъ мнѣ: „не знаю, какъ прочитаю... сегодня такъ было не хорошо мнѣ“... Оказалось, утромъ съ нимъ былъ припадокъ болѣзни. Я совѣтовалъ ему обратиться къ врачамъ болѣе извѣстнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ узнать, что это за болѣзнь. По возвращеніи въ Петербургъ онъ писалъ мнѣ: „Ты на меня не сердись, мой дорогой, что рѣдко пишу: все тотъ же вѣдь я, но Богъ посылаетъ испытанія. При полученіи твоего письма со мною случился снова припадокъ болѣзни. Страдалъ недѣлю, и, не довѣряя обычнымъ эскулапамъ, поѣхалъ къ профессору Я. Разказалъ все обо—и прибавилъ догадку, что у меня застарѣлый катарръ послѣ сидячей учительской жизни. Началось долгое изслѣдованіе организма...“

— Я не совсѣмъ согласенъ съ вашимъ диагнозомъ, сказалъ докторъ.

— Очень радъ, отвѣтилъ я.

— Ну не знаю, обрадуетесь ли. А сказать долженъ, чтобы вы знали, съ чѣмъ имѣете дѣло. У васъ страшная болѣзнь — грудная жаба на нервной основѣ. Перерожденіе сердца... Из-

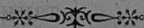
лѣчить нельзя, какъ нельзя остано-вить посѣдніе волосъ когда оно началось. Задержать, приостановить можно.

Только режимъ жизни — ой, ой... Показалась издали послѣдняя грань, а можетъ—и не издали. На все воля Божія!“

Такъ заключилъ свое—предпослѣднее письмо мой почившій другъ. На Святой недѣлѣ онъ писалъ мнѣ, что здоровье его значительно улучшилось, что надѣется — врачъ ошибся... Прочитавъ эти строки, я невольно подумалъ: себя ли ободряешь, или меня утѣшаешь, друже?... Въ недѣлю о Томѣ онъ служилъ въ синодальной церкви, вечеромъ читалъ обычный акаеистъ у Милующей, говорилъ поученіе-бесѣду. Въ понедѣльникъ былъ въ канцеляріи Училищнаго Совѣта, занимался дѣлами; къ вечеру, говорятъ, жаловался на боль въ головѣ. Но ночь провелъ хорошо, всталъ утромъ бодрый и весело говорилъ съ домашними. Часовъ въ 11 онъ пошелъ въ свой кабинетъ, взялъ книгу, и не прошло пяти минутъ, какъ его супруга услышала хрипѣніе... Едва она подошла, какъ его сердце уже перестало биться... Призванный врачъ только удостовѣрилъ фактъ смерти... Ясно, что новый припадокъ болѣзни сразу парализовалъ дѣятельность сердца. Такъ тихо, безболѣзненно скончался нашъ незабвенный отецъ Михаилъ...

Только уже послѣ смерти для домашнихъ стала понятна его задумчивость въ послѣднія недѣли... Онъ видимо что-то скрывалъ отъ нихъ. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ не рѣдко подчеркивалъ слова: только бы Богъ далъ здоровья...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина.

(Продолженіе)¹⁾.

24 Сентября. Кончивъ сегодня заниматься съ учениками и отпустивъ ихъ, я скипятилъ себѣ самоварчикъ, придвинулъ раздобытый недавно столикъ поближе къ окну и усѣлся попить чайку. Школа моя стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, такъ что изъ окна моего помѣщенія видна вся восточная половина села. Сижу я, да посматриваю на противоположную улицу, гдѣ между кучами строеній, то тамъ, то сямъ поднимаются густые клубы чернаго дыма изъ горенъ нашихъ гончаровъ; больше ничего не видно... Картина грустная, невеселая... Я перевелъ свой взглядъ на нашу церковь, стоящую всего саженьяхъ въ 20 отъ школы. И видъ Божіяго храма не могъ порадовать меня въ эти минуты, минуты моего одиночества: церковка наша древняя, деревянная, покачнувшаяся на сторону, полинявшая, съ пришедшей въ совершенную ветхость деревянною же оградой; кромѣ одной чахленькой, Богъ знаетъ кѣмъ посаженной, березки, вокругъ нея нѣтъ ни одного деревца, травка въ оградѣ вся запылилась, пожелтѣла, на половину вросшіе въ землю надмогильные камни, покрытые сѣроватымъ высохшимъ слоемъ лишаяевъ, лежатъ словно забытые древніе алтари, беспощадною рукою времени лишенные куренія ѳиміама. Печальный видъ представляетъ нашъ бѣдный храмъ и производитъ грустное впечатлѣніе. Вспомнилъ я при этомъ другіе сельскіе храмы, видѣн-

ные мною прошлый годъ въ Августѣ мѣсяцѣ, во время моей поѣздки въ Пензу. Многіе изъ нихъ были такъ же бѣдны на видъ, какъ и нашъ, но другіе составляютъ рѣзкій контрастъ въ сравненіи съ послѣднимъ. Зданія ихъ буквально утопаютъ въ зелени деревьевъ, въ изобиліи растущихъ въ ихъ городахъ. Любо было смотрѣть на эти храмы: бѣлизна ихъ краски рѣзко просвѣчивала между зелеными вѣтвями березъ, черемухъ, рябинъ и другихъ деревьевъ; зеленые купола и главы съ сіяющими крестами, отдѣленные широкими бѣлоснѣжными ярусами отъ густыхъ древесныхъ вершинъ, величаво и стройно возвышались надъ послѣдними, поднимаясь къ небу; каменные ограды, безукоризненной бѣлизны, красиво опоясывали нижнюю часть деревьевъ вмѣстѣ съ храмовыми зданіями, и все это представляло картинку, пріятную для глазъ, неотразимо и благоговѣнно дѣйствующія на душу, картинку достойныя кисти художника!.. А нашъ... о, бѣдный, бѣдный храмъ! Въ какомъ онъ находится заустѣніи! Болѣе половины его прихожанъ оставили его, совратились въ расколъ и болѣе уже его не посѣщаютъ. Невѣжество ихъ закрыло имъ духовныя очи, и они не видятъ и не сознаютъ своей роковой ошибки. Многихъ изъ нихъ храмъ этотъ принималъ подъ свой кровъ, просвѣщая таинствомъ Крещенія, другіе изъ нихъ подъ его сводами вкушали духовную пищу—слово Божіе и таинство Причащенія, иные благослов-

¹⁾ См. № 7 и 8.

лялись на бракъ, у нѣкоторыхъ даже родители, скончавшись въ православіи, сложили свои кости около этого храма, но они, неблагодарные, забыли благодаренія этого храма, отторглись отъ него и лишивши его своихъ сильныхъ жертвъ, своей матеріальной поддержки, забыли совершенно и допустили, такъ сказать, до нищеты и ветхости, близкой къ разрушенію. Не много осталось у него вѣрныхъ чадъ! Но Господь не забылъ сего храма: около него воздвигнуто новое зданіе; это школа, будущая его помощница въ духовномъ просвѣщеніи прихожанъ, это—собирагельница молодого поколѣнія его отторгшихся сыновъ, это—врагъ мрака и невѣжества, поборница просвѣщенія, расадница началъ чистой нравственности. Бѣдный храмъ нашъ теперь видитъ многочисленную толпу курчавыхъ малышей, спѣшащую въ школу; это молодые сыны его, которые, безъ сомнѣнія, полюбятъ его и, подъ влияніемъ школы, приложатъ къ нему свою сыновнюю заботу, свое искреннее попеченіе: стѣны его, Богъ дастъ, обновятся, ограда воздвигнется новая, и святое мѣсто погоста около него покроется густолиственными деревьями.

Вотъ уже я, кажется и „записался“, воспользовавшись свободною минуточкой. Что дѣлать! Хоть мечтами о будущемъ желаемомъ и ожидаемомъ подкрѣплять себя въ минуты грустнаго настроенія.

Кто знаетъ? Можетъ быть мое „мечтаніе“ и исполнится со временемъ. Дай то, Господи!

28 Сент. На дняхъ мнѣ случилось присутствовать при крещеніи младенца. Не обошлось между крестьянами безъ суевѣрій и при совершеніи этого таинства. Когда батюшка бросилъ въ купель воскъ съ стриженными воло-

сками ребенка, я замѣтилъ, что одна изъ бывшихъ тутъ женщинъ пристально посмотрѣла въ купель и грустно покачала головою. Вспомогла она — „Ну, что, Прасковья?“—спросила ее другая женщина по совершеніи таинства.

— „Не будетъ живъ младенецъ-то: воскъ утонулъ“.

Я вмѣшался въ ихъ разговоръ и постарался выяснитъ всю нелѣпость этой примѣты, причемъ объяснилъ, отъ чего иной воскъ тонетъ, а иной нѣтъ. Присутствующіе со вниманіемъ слушали мое объясненіе, а та „примѣчавшая“ сказала: „а у насъ всегда такъ то бають: коль воскъ потонетъ, такъ и младенчикъ умретъ, а ежели не потонетъ, то живъ будетъ“.

— „Темнота, темнота народная“, съ грустью подумалъ я: „нужны, настоятельно, неотложно нужны яркіе свѣтильники, чтобъ просвѣтитъ тебя и заставить забыть все эти суевѣрія, стоящія крѣпко на удобренной почвѣ вѣковаго невѣжества“.

11 Октября. Дѣла мои по школѣ идутъ хорошо. Число дѣтей доходитъ до 60. Оно и дай Богъ! Работать такъ работать. Одно меня маленько опечалило: сапоги мои окончательно отказались мнѣ служить: развалились до невозможности; я отъ этого пришелъ было въ уныніе, ибо въ карманѣ ни полупки, слѣдовательно и починить ихъ не на что. Но... голенькій—охъ, а за голенькимъ—Богъ: это я сегодня испыталъ на себѣ. По окончаніи занятій приходитъ ко мнѣ одна старушка и проситъ меня написать ей письмо сыну на службу. Я берусь за перо и начинаю: „Дорогой мой сыночекъ Митенька! Я, твоя родительница, посылаю тебѣ родительское мое благословеніе и низко-пренизко кланяюсь“ и проч. Написалъ все пись-

мо и началъ читать старушкѣ самымъ „умильнымъ“ тономъ. Это простодушную старушку растрогало до слезъ, и она подарила мнѣ „за труды“ цѣлый пятиалтынный. Спасибо ей! Послѣ этого нечего и добавлять, куда я его израсходовалъ: самоги мои были починены нынѣ же къ вечеру.

14 Октября. Сегодня вывалилъ снѣгъ и наступилъ нешуточный холодъ. Вотъ теперь то мнѣ плохо приходится. Поддевка моя износилась совершенно, теплыхъ сапогъ нѣтъ, даже шерстяныхъ чулокъ не имѣю. Въ комнатѣ моей хоть волковъ морозъ: холодъ прешрашный. Сторожъ-истопникъ мой начинаетъ пожиматься: дровъ выдаетъ мнѣ чуть не съ вѣсу, а посему и подтопокъ не топлю. Въ классѣ тоже начинаетъ становиться холодно.

15 Октября. Всѣмъ извѣстно, что наши русскіе мужички-сѣрячки относятся къ церковно-приходской школѣ сочувственно: они понимаютъ ея просвѣтительное значеніе; къ учителямъ питаютъ уваженіе и почтеніе, какъ къ своимъ просвѣтителямъ, какъ къ людямъ авторитетнымъ въ ихъ средѣ и часто обращаются къ нимъ, т. е., къ учителямъ за разъясненіемъ того или другого вопроса, причемъ мнѣніе учителя признается за правильное и неопровержимое. Но есть между нашими мужичками и такіе экземпляры (разумѣю грамотныхъ), которые вносятъ и дисгармонію въ общее отношеніе своихъ собратій къ школѣ. Эти мужички, научившись самоучкой кое-какъ брести по книгѣ, тѣмъ не менѣе гордятся своею „грамотностью“, и свое знаніе ставятъ выше того, какое получаютъ дѣти въ школѣ. При разговорахъ съ дѣтьми - школьниками объ ученіи такіе крестьяне непременно стараются показать свою „ученость“ и начитанность, при чемъ предла-

гаютъ дѣтямъ для разрѣшенія головоломные вопросы. Сегодня, напри- мѣръ, былъ случай такого рода: во время занятій заявляется ко мнѣ въ школу крестьянинъ изъ раскольниковъ и приводитъ съ собою мальчику, своего сына. Мужикъ держитъ себя въ классѣ очень непринужденно: лѣзетъ ко мнѣ съ разными вопросами, мѣшая мнѣ заниматься, отрываетъ отъ дѣла учениковъ, заводя съ ними разговоръ, однимъ словомъ—поведеніе его въ классѣ было таково, что вынудило меня сдѣлать ему маленькое замѣчаніе, въ видѣ просьбы перестать и подождать съ своимъ разговоромъ до окончанія урока. Мужикъ надулся: „я, говорить, пришелъ самъ лично испытать васъ (!) и вашихъ учениковъ въ томъ, что вы знаете и чему ихъ учите, а вы не позволяете мнѣ. Я привелъ сына и желаю его учить, но напередъ хочу знать, чему онъ научится здѣсь. А то, пожалуй, еще какъ бы и зря зиму не проходилъ. Вишь вонъ вы съ ними только и твердите: утѣнокъ, поросѣнокъ, лисѣнокъ, телѣнокъ; а на что это? Я бы и книжки-то этакія выкинулъ, да. А тамъ еще, будете долбить объ лягушкахъ, быкахъ, мухахъ, ослахъ да объ обезьянахъ. Что это за ученье?...“ и т. п. и т. п. Я стою и слушаю, дожидаясь, когда кончить свою рѣчь этотъ „ораторъ“. Ребятки мои, не разъ могутъ быть терпѣвшіе фіаско въ разговорахъ съ этимъ „знатокомъ“, насторожились и внимательно глядѣли на меня: что, дескать, скажетъ на это нашъ учитель? Ужели этотъ мужикъ „загонитъ“ и его? Ужели поставитъ въ тупикъ? А удайся послѣднее мужичку, авторитетъ мой былъ-бы значительно поколебленъ въ глазахъ дѣтей. Меня самого смѣшили разсужденія „грамотея - самоучки“, но всетаки я

рѣшился заградить его уста, глаголющія несправедная и доказать, что „и я въ механикѣ чего нибудь да стою“.

— „Ну, а ты какъ-бы сталъ учить?“ спросилъ я своего критика, когда онъ окончилъ свою рѣчь.

— „Какъ меня учили, такъ и я бы сталъ“, отвѣтилъ онъ.

— „А какъ тебя учили?“ не унимался я.

— „Подайте псалтирь, я покажу“.

Я подаль. Мужичекъ нашель 73 псаломъ и началъ читать, причемъ ужасно торопился, удареній не соблюдалъ, на знакахъ препинанія не останавливался, слова перевираль невозможнымъ образомъ. На 10 стихѣ я остановилъ его и сказалъ: „ты, братъ, читать не умѣешь“. Тотъ вытаращилъ глаза: какъ, молъ, такъ: не умѣю, вѣдь читаль же?

— „Читай снова“, сказалъ я ему. Онъ началъ было:

— „Внѣмлите людіе мои“...— „Стой, не такъ“, остановилъ я его.

— „А какъ-же?“ спросилъ онъ.

— „Въ первомъ словѣ гдѣ удареніе?“

— „Какое удареніе?!“ удивился онъ.

Я показалъ ему. Оказалось, что онъ не знакомъ ни съ однимъ надстрочнымъ знакомъ. Это было мнѣ на руку. Я нарочно заставилъ его читать дальше, онъ читаль, а я поправляль его на каждомъ словѣ. Наконецъ, эта процедура кончилась и притомъ благопріятно для меня: я доказаль предъ глазами учениковъ всю неосновательность возраженій мужичка на веденіе моего дѣла и весь его нападокъ потерпѣль крушеніе. Но „грамотей“ и послѣ этого не пожелаль остаться у меня въ долгу: онъ попытался „сшибить“ меня съ учениками въ „рихметикѣ“ и предложилъ намъ задачу такого рода: въ Москвѣ 40 улицъ, на

каждой улицѣ 40 церквей, на каждой церкви 40 колоколовъ, сколько всего колоколовъ въ Москвѣ? Задача эта была рѣшена учениками моментально, потому что, кромѣ переумноженія чиселъ, труднаго здѣсь ничего нѣтъ. Даже самъ „рихметчикъ“ удивился быстрому и точному вычисленію моихъ ребятъ.

Послѣ этого мой мужикъ сталъ болѣе сговорчивъ и, дружески распрощавшись, оставилъ своего сынишку съ пожеланіемъ намъ всего хорошаго.

16 Октября. Теперь я живу не одинъ: дня три тому назадъ пріѣхала ко мнѣ моя бабушка, которая, слышавшись отъ отца, что я самъ варю себѣ пищу и живу совершенно одинъ, сжалилась надо мной и изъявила желаніе прожить со мною всю зиму. Этому я несказанно радъ, а то, право, одному жить стало надоѣдать, временемъ и словомъ перемолвиться не съ кѣмъ, а теперь все поохотнѣе. Бабка моя мастерица пѣтъ всевозможные старинные канты, или духовные стихи, какъ она ихъ называетъ. Сидя за какимъ нибудь дѣломъ, я часто съ удовольствіемъ слушаю ея печальный, но хватающій за душу напѣвъ:

„Видишь, Господи, печаль мою,

Ты кого пошлешь на помощь мнѣ?

Ты кого пошлешь на помощь мнѣ?

Или Самъ сойдешь, Владыко мой?

Я прошу Тебя, не оставь меня:

Я Твоя овца заблудшая,

Я Твоя овца заблудшая,

Отъ Твоего стада отставшая“ и т. д.

Подобные канты всѣ положительно печальнаго содержанія: въ нихъ выражается или вопль грѣшной души, взывающей къ Богу о своемъ спасеніи и кающейся передъ Нимъ, или напрасная и бесплодная земная суета, или—напоминаніе человѣку о послѣднемъ часѣ, о могилѣ, какъ колыбели

всего земного и грѣховнаго; такъ въ одномъ изъ кантовъ поется:

„Взойду я на гору высокую,
Посмотрю въ бездну глубокую;
Увижу я тамъ свой гробикъ,
Мой неминуемый и вѣчный домикъ;
Песокъ точится—постеля моя,
Камени—сосѣди мои,
Черви—друзья мои,
А сырая земля—мать моя“.

На кого отрезвляюще не подѣйствуютъ эти, хотя и не гармонично сложенные, но полные глубокаго и правдиваго смысла, стихи? Если-бъ собрать ихъ всѣ (а ихъ безчисленное множество хранится въ памяти старыхъ людей) и отдать для обработки поэту, то получился бы прекрасный сборникъ, богатый поучительныхъ мыслей для истинно-вѣрующаго хрістіанина, полный глубокой поэзіи и достойный приобрѣтенія въ любую бібліотеку. Впрочемъ, на чей взглядъ какъ, но я съ удовольствіемъ слушаю эти канты, оставивъ иногда читаемую книгу и погружаясь въ размышленіе, навѣваемое этими кантами.

Итакъ, я теперь радъ несказанно тому, что теперь я не одинъ, теперь около меня есть живое существо, а то ранѣе, бывало, сидишь одинъ часовъ до 11, словно заключенный въ башнѣ какого нибудь замка, а вокругъ—ни души, ни звука, ни движенія, словно въ царствѣ мертвецовъ. Теперь же слава Богу! Не такъ-то скучно.

17 Октября. Въ послѣднее время я съ увлеченіемъ интересуюсь расколомъ, познакомился съ тѣмъ, какъ вести бесѣды съ старообрядцами по руководствамъ: Кашменскаго, Плотникова, „Выпискамъ“ Озерскаго и др., выучилъ порядочное количество текстовъ изъ старопечатныхъ книгъ, часть которыхъ внимательно прочелъ. Теперь же желаю на практикѣ испытать себя въ томъ, могу ли я опро-

вергать возраженія раскольническихъ начетчиковъ, такъ чтобъ и себя не сконфузить и православіе защитить. Съ этою цѣлю я рѣшился вечерками ходить въ тѣ дома, гдѣ любятъ собираться раскольники. Съ однимъ изъ хозяевъ подобнаго дома, раскольникомъ, но человѣкомъ хорошимъ во всѣхъ отношеніяхъ, я и свелъ дружбу, постарался ему понравиться и войти въ его расположеніе.

19 Октября. Дѣлишки по школьѣ идутъ. Ученики мои занимаются ревностно. Нельзя не похвалить особенно раскольническихъ дѣтей: славные мальчуганы; уроки выучиваютъ добросовѣстно, нѣкоторые съ отличными голосами и годились-бы вполнѣ для хора, только жаль, что они не православные. А чтецы какіе замѣчательные! Просто прелесть. Я сталъ замѣчать, что эти ребятки во время молитвъ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ (двуперстнымъ, конечно) и исполняютъ положенные поклоны, чего отъ нихъ я прежде не замѣчалъ, даже пьютъ съ православными мальчиками вмѣстѣ воду изъ одного ковша и ведра. Это отраднo. Дай Богъ хоть бы школа сроднила ихъ съ православіемъ и заставила-бы забыть всю ту безгласность, всю неприязнь и враждебность, которыя питали мнимые ревнители старины къ православію въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Поживемъ-увидимъ, а теперь пока и эти начальныя явленія утѣшительны.

21 Октября. Бесѣды съ старообрядцами начинаютъ меня завлекать и дѣлаться любимымъ моимъ времяпровожденіемъ по вечерамъ. Хожу къ раскольникамъ по прежнему.

26 Октября. Съ раскольниками я сдружился порядочно: нынѣ напр., нѣкоторые изъ нихъ приглашали меня въ свою моленную „послушать ихъ

службу“. Я пошелъ. „Служба“ еще не начиналась, и я, отъ нечего дѣлать, занялся осмотромъ моленной. Это ничто иное, какъ обширная продолговатая изба, довольно грязно содержимая. Посреди моленной стоитъ большая печка, необъяснимая; восточная стѣна моленной вся уставлена иконами, предъ которыми горитъ масса свѣчей и лампадъ; предъ этою стѣною устроена низенькая деревянная рѣшетчатая перегородка, а за нею лежитъ масса книгъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ. Вотъ и все, что я видѣлъ въ раскольнической моленной.

Народъ по немного началъ собираться. Вскорѣ былъ положенъ „началь службы“, а послѣ него уставщикъ страннымъ голосомъ скороговоркой произнесъ: „за молитвы святыхъ отецъ нашихъ“ и т. д. „Аминь“,—прозвучалъ въ толпѣ клирошанъ довольно чистый альтъ, и началось чтеніе предначинательнаго псалма. Когда чтеніе было окончено, клиръ раздѣлился на двѣ половины, и началось пѣніе „Господи воззвахъ“. Бурею пронеслось оно по моленной; у меня зазвенѣло въ ухахъ и рѣзало слухъ, а между тѣмъ, пѣніе все усиливалось: одинъ клиръ старался перекричать другого, одинъ голосъ—заглушить всѣхъ прочихъ; слышались странныя выкрикиванія, измѣненія звуковъ, такъ что вмѣсто одного звука получалось два, напр.—„Господи воззвахы

Тебѣ усылы-ши мя, внегы-да возызову Тебѣ-ѣ-ѣ“....

Тоже самое замѣтилъ я и въ пѣніи стихирь. Иной бы разсмѣялся въ душѣ, слушая это пѣніе, а у меня слезы выступили на глазахъ. Да, слезы. Не потому, конечно, что подобное пѣніе трогало душу, нѣтъ: мнѣ, ужасно жаль было бѣдныхъ раскольниковъ. Я смотрѣлъ на нихъ въ это время, какъ на сиротъ, лишившихся родительскаго крова и выпрашивавшихъ себѣ пріюта и кусокъ хлѣба подъ окномъ обитаемаго дома, объ отсутствіи хозяина котораго не знаютъ они по своей неразумности. Можетъ быть сравненіе это неудачно, но мнѣ казалось именно такъ.

Тяжелое впечатлѣніе вынесъ я изъ моленной и съ понурою головою шелъ домой. Тѣмъ болѣе грустно было мнѣ, что я въ числѣ этихъ заблудившихся овецъ видѣлъ и своихъ учениковъ. Еще въ моленной мнѣ хотѣлось сказать дѣтямъ: „идите отсюда, здѣсь не ваше мѣсто“, но я, конечно, удержался, ибо сей поступокъ, кромѣ вреда, ничего не принесетъ: надобно надѣяться, что придетъ время, они и сами выйдутъ—выйдутъ, чтобъ никогда не возвращаться въ эту избу. Когда же это будетъ? Конечно, тогда, когда школа откроетъ имъ духовныя очи, что-бы видѣть заблужденіе своихъ родителей, чтобы ясно сознать, что: „кромѣ Церкви Божія нигдѣже нѣсть спасеніе“. (Бол. Катих. л. 121 на обор. и 122).

(Продолженіе будетъ).

1896—1897 годъ.

Учитель *Е. Нуликовъ*.

Друзьямъ дѣтей.

(Учащимъ въ народныхъ школахъ).

рузья мои, намъ поручили
Простыхъ довѣрчивыхъ дѣтей,
Чтобы отъ зла мы ихъ хранили,
И свѣтлый лучъ въ нихъ заронили
Въ періодъ ясныхъ дѣтскихъ дней.

Но какъ-же намъ исполнить это?

Чѣмъ сердце дѣтское привлечь,—

Чтобъ не осталась безъ отвѣта

Въ душѣ невинной наша рѣчь;

Чтобъ сѣмена добра святыхъ

Проникли дѣтямъ въ плоть и кровь?...

Нужна для этого, родные,

Одна любовь, одна любовь....

Св. А. Герасимъ.

Какъ дѣти свою школу вымыли.

Вдали отъ города, — а впрочемъ все-таки въ большомъ селѣ, — была сельская школа, въ которой обучалось 43 мальчика и 14 дѣвочекъ. Все это были дѣти крестьянъ. Правду сказать, дѣти неособенно-то были приучены къ чистотѣ. Да и гдѣ быть у крестьянина чистотѣ: полы земляные; хата топится по черному; въ избѣ и ягнята съ матерями, и свиньи съ поросятами, и куры съ цыплятами, а между ними ползають ребятишки...

Зима въ этотъ годъ долго не наступала, „а все тряслась, какъ говорили крестьяне, долгая безтолковая

осень“. И въ правду: то идутъ, по цѣлымъ недѣлямъ не переставая, дожди, превратившіе землю въ непроходимую грязь, то стелятся такіе туманы, что отъ нихъ на деревьяхъ повисли капли воды, точно отъ дождя, то вдругъ подуетъ холодный вѣтеръ и повалитъ снѣгъ хлопьями. А черезъ день, глядишь, онъ уже и растаялъ, и опять грязь и грязь... Но дѣтки все-таки бѣгали въ школу, натаскивая на своихъ лаптишкахъ цѣлыя кучи грязи въ училище. Особенно усердно посѣщали они школу передъ своимъ храмовымъ праздникомъ — Михайло-

вымъ днемъ, потому что учитель ска- залъ имъ, что всѣ они будутъ пѣть въ этотъ день обѣдню и поэтому каж- дый день устраивалъ спѣвки. Радости у дѣтей не было конца. Въ виду пред- стоящаго нелегкаго, да еще на виду у всѣхъ, дѣла они сразу почувство- вали себя людьми, неуступающими большимъ, какъ-то погордѣли, изъ школы уже не бѣжали, а степенно шли кучками и разсуждали, что хра- мовой праздникъ—большой для нихъ праздникъ и что его должно отличать отъ другихъ праздниковъ; что пса- ломщикъ хотя имѣетъ и хорошій го- лось, но безъ помощи и онъ не много сдѣлаетъ для праздника (для торже- ства); что хорошо будетъ, если мы будемъ пѣть и стоять по срединѣ церкви. Разсуждали даже и о томъ, кто во что нарядится, словомъ—всего и не перечесть, о чемъ они разсуж- дали. Дня за два до праздника, послѣ вечерней спѣвки, я, шутя, сказалъ: все, дѣти, хорошо идетъ у насъ—и пропоемъ хорошо, и приодѣнемся по праздничному, одно только жалко, что полы у насъ въ училищѣ ужъ очень грязны: какъ мы будемъ встрѣчать съ такими полами, въ такой грязи, дорогаго гостя-батюшку съ крестомъ?.. Сказалъ и ушелъ къ батюшкѣ столко- ваться относительно нашего пѣнія. У радушнаго батюшки я засидѣлся до- вольно-таки долго. Разсуждая о томъ и о семь, я между прочимъ сказалъ ему, что у насъ ужъ очень грязны полы. Онъ обѣщался какъ-нибудь по- мочь горю. Возвращаясь отъ батюшки, я, къ удивленію своему, замѣтилъ, что въ школѣ у насъ огни во всѣхъ комнатахъ, т. е. въ двухъ класныхъ

и въ третьей моей комнаткѣ. Что бы это такое значило, подумалъ я: ужъ не наѣхало-ли начальство? Подхожу ближе къ школѣ, смотрю въ окно... и невольно разсмѣялся. Столы въ школѣ взбудоражены, т. е. наставлены другъ на друга, по полу въ два ряда по 3 человекъ, разувшись и засучивши штанишки, кто съ тряпкой, а кто и просто съ пучкомъ соломы въ рукахъ, ползаютъ по полу ребятишки и отмы- ваютъ отъ него грязь, а два мальчу- гана стоятъ около двери съ лопатами въ рукахъ и выбрасываютъ отмытую грязь на улицу: такъ ея много набра- лось на полахъ. Когда я взоспелъ въ школу, работа уже кончалась и рас- краснѣвшіеся ребятишки, съ грязны- ми рученками и съ забрызганными личиками, радостно кричатъ мнѣ: „вотъ и полы вымыты! Теперь не стыдно будетъ и крестъ принять. А чтобы не загрязнить ихъ до праздни- ка, мы покроемъ ихъ соломой“. На другой день ранехонько прибѣжали въ школу и дѣвочки; я сидѣлъ еще за чаемъ. И вдругъ, вмѣсто того, что бы придти и поздороваться со мною, какъ это было заведено у насъ въ школѣ—и взять что нужно для за- нятій, дѣвочки наши „шаромъ“ вылетѣли изъ училища и пустились бѣ- жать по домамъ. Я недоумѣвалъ, что- бы это значило. Оказалось, что онѣ убѣжали домой за тряпочками и вѣ- никами, чтобы обмести стѣны и вы- тереть стекла оконъ.—Смѣшно?... Но за то съ тѣхъ поръ мы уже всегда сидѣли въ чистой школѣ и не нужда- лись, чтобы кто-нибудь помогалъ намъ въ этомъ.

Учитель.

ПОСѢВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

IX.

Книга въ школъ.—Взглядъ народа на книгу.—Чего жлетъ народъ отъ книги?—Библиотека при Преображенской школъ въ Москвѣ.—Пять существенныхъ вопросовъ по дѣлу устройства народныхъ библиотекъ.

Невозвратно кануло въ вѣчность то время, когда оустная бесѣда и живое слово были почти единственными средствами просвѣщенія или наставленія. Нынѣ—вѣкъ, когда книга съ успѣхомъ восполняетъ недостаточность той и другого, является постояннымъ, общедоступнымъ, наилучшимъ руководителемъ и наставникомъ чловѣка, неразлучнымъ и полезнѣйшимъ его другомъ, весьма часто болѣе драгоценнымъ, чѣмъ живые, но не всегда полезные друзья. Въ рукахъ людей, призванныхъ стоять на стражѣ народнаго благополучія и нравственнаго усовершенствованія, книга—незамѣнимое подспорье и лучшей союзникъ въ ихъ отвѣтственномъ дѣлѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, книга въ школъ, хорошая, назидательная, умная—сокровище, которое въ умѣлыхъ рукахъ сдѣлаетъ то, чего самъ собою не сдѣлалъ бы никакой учитель. Въ деревенскихъ школахъ, каковыми большею частью являются церковно-приходскія, трудно даже и приблизительно оцѣнить всю благодѣтельность и пользу книги для темнаго населенія, которое еще такъ недавно не имѣло у себя ни нарочитыхъ просвѣтителей и наставниковъ въ лицѣ учителей, этихъ „добрыхъ геніевъ“ его, властью тьмы одержимой, жизни, ни книгъ, ни самой грамотности, которая дѣлала бы нужною книгу.

Народъ нашъ уже по достоинству оцѣнилъ подвигъ своихъ добрыхъ геніевъ—учителей, въ короткое время дающихъ ихъ дѣтямъ обликъ „настоящаго“, „просвѣщеннаго“ грамотой и „Божьимъ ученіемъ“ чловѣка. Еще скорѣе оцѣнилъ онъ всю благодѣтельную силу и значеніе „книги“,

которая искони представлялась ему, темному, „сокровищемъ“ и „кладземъ“ чего-то необычайно-добраго, свѣтлаго, вождельнаго, и, однако—мало-доступнаго. Книга, особенно „Божественная“, назидательная и полезная, когда можно было еѣ имѣть и послушать, была для него наилучшимъ отдыхомъ въ часы свободы отъ работъ, въ долгіе зимніе вечера, въ праздники, и грамотное дитя, умѣвшее съ грѣхомъ пополамъ сдѣлать книгу живою и говорящею, само того не сознавая, было, быть можетъ, въ эти минуты плодоноснѣе многихъ опытнѣйшихъ учителей народа, многихъ его увлекательнѣйшихъ проповѣдниковъ и наставниковъ.

Всякъ, призванный обить учителемъ и просвѣтителемъ народа, обезцѣнилъ бы болѣе чѣмъ на половину значеніе и успѣхъ своего труда, если бы не воспользовался столь легкимъ, въ руки просящимся и успѣшнѣйшимъ средствомъ просвѣщенія и религиозно-нравственнаго воспитанія народа—книгой и распространеніемъ ея въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ семьяхъ народа. Это выдвигаетъ само собою вопросъ о школьной библиотекѣ, ея составѣ, устройствѣ и дѣятельности.

При каждой школъ библиотека и желательна и необходима, совершенно такъ же, какъ необходимы пособія и учебники для учениковъ. „Школа и библиотека, учить г. Ястребцевъ (статья „Сельскія библиотеки“, Тамб. Еп. В. № 2, 1902 г.) это два фундаментальныхъ источника народнаго просвѣщенія—настолько близкіе между собою и взаимно необходимыя, что одинъ безъ другого положительно не должны суще-

ствовать. Только при этомъ условіи народное образованіе станетъ на твердую почву и будетъ благодарно и успѣшно. Какое долженъ быть составъ бібліотеки, — это достаточно опредѣленно и ясно предрѣшается требованіями и нуждами современной народной жизни, ея преобладающими интересами и господствующими тенденціями. Основное требованіе народа по отношенію къ книгѣ не трудно установить по его любви къ чтенію и слушанію предпочтительно чего-либо „церковнаго“, „Божественнаго“, не столько занимательнаго, сколько, главнымъ образомъ, „назидательнаго“. „Гдѣ есть школьникъ, пишетъ свящ. с. Черникова, о. Л. Х., тамъ всегда можно найти нѣсколько книжекъ житій святыхъ, Евангелія, Псалтири, и др.“ (отч. Кур. Еп. Н. 1899/900). Завѣдующій Журавлевскою школою грамоты, пишетъ одинъ изъ Курскихъ уѣздныхъ наблюдателей (Бѣлгородскій. см. тотъ же отчетъ 87 стр.) сообщаетъ, что нѣкоторыя ученицы приходятъ въ школу и берутъ маленькія книжки (Троицкіе листки) для чтенія дома родителямъ и роднымъ. Одинъ ученикъ Комаревцевской школы, по сообщенію законоучителя этой школы, много уговаривалъ своего неграмотнаго товарища, замѣчнаго въ воровствѣ, не воровать, а потому приходитъ однажды въ школу и просить книжку противъ воровства... На вопросъ: „на что ему эта книжка?“ — ученикъ объяснилъ, кому онъ хочетъ прочитывать. Похваливъ мальчика, священникъ далъ ему „Троицкіи листокъ“ о воровствѣ. Листокъ этотъ нѣсколько разъ былъ прочитанъ ворискѣ, и такъ подѣйствовалъ на него, что онъ далъ обѣщаніе больше „не воровать“ (тамъ же). Опытъ учителей народныхъ чтеній въ воскресные и праздничные дни въ школьныхъ помѣщеніяхъ показали, что особенною любовію народа пользуются именно статьи изъ религіозно-нравственныхъ журналовъ и сочиненій. Нѣкоторые отчеты указываютъ опредѣленно въ числѣ наиболѣе пригоднаго

матеріала народныхъ чтеній: „Церковныя Вѣдомости“, „Русскій Паломникъ“, нѣкоторыя изданія „Приходской Библіотеки“, „Москва, ея святыни и памятники“, „Св. мѣста и святыни на Востоцѣ и въ Россіи“, „Житія святыхъ, Бахметевой“, „Троицкіе листки“ и т. п. Знаменательна замѣтка отчета Симбирскаго Еп. Братства, (1898 г.) въ отдѣлѣ „о приходскихъ народныхъ бібліотекахъ“, гдѣ говорится, что когда стали открываться при волостныхъ правленіяхъ и сельскихъ школахъ народныя бібліотеки, то народъ за книжкой для чтенія охотнѣе продолжалъ обращаться къ церкви, „которая въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ была почти единственною его просвѣтительницею“. Это навело на мысль устраивать народныя бібліотеки при приходскихъ церквахъ, при чемъ большинство книгъ составляли житія святыхъ и описанія святыхъ Прав. Церкви; далѣе идутъ книги съ общепонятнымъ объясненіемъ догматическихъ и обрядовыхъ вопросовъ, и, наконецъ, книги назидательнаго и отечественно-историческаго содержания. Открытіе бібліотеки такого рода при Симбирскомъ Семинарскомъ храмѣ, съ 1897 г. встрѣчено было народомъ весьма сочувственно; книги берутся и читаются съ большою охотой, особенно во время великаго поста. Годичный опытъ означенной Семинарской бібліотеки показалъ, что съ наибольшей охотой народъ добивался слѣдующихъ книгъ: Житія Святыхъ, Дестунисъ, — Бесѣды свящ. Шумова (уроки изъ жизни святыхъ, объясненіе Символа вѣры, Деянословія, молитвы Господней, и Литургіи), Училище Благочестія, Троицкіе выпуски, книжки свящ. Дьяченко и назидательные сборники Новгородскаго. Всѣхъ этихъ книгъ, по заключенію завѣдывающаго бібліотекой, на первыхъ порахъ бываетъ вполне достаточно для удовлетворенія религіозной пытливости простолюдина, для удовлетворенія и возбужденія въ немъ благочестивой настроенности, а главнымъ образомъ для отвлече-

нія его отъ нехрістіанскаго проважденія свободнаго отъ трудовъ времени.

Образцомъ школьно-народной бібліотеки въ Московской епархіи можетъ служить во многихъ отношеніяхъ бібліотека, имѣющаяся въ Москвѣ при Преображенской школѣ, въ Преображенскомъ. Въ короткое время число книгъ въ ней достигло свыше 2600 названій; почти всѣ книги духовно-нравственнаго содержания, инныя во многихъ экземплярахъ. Берутъ книги прежде всего ученики для себя и для своихъ родителей, затѣмъ въ опредѣленные дни и сами родители, родственники ихъ и всѣ прочіе изъ рабочихъ на ближайшихъ фабрикахъ, приходятъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, напримѣръ, с. Черкизова, Богородскаго, отъ Дорогомиловской заставы (версть за 15!) и т. п. Кромѣ того, книги въ большомъ количествѣ, напримѣръ, по 50, 100 и даже 200 экземпляровъ за разъ, выдаются на 20 сосѣднихъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ. Спросъ на чтеніе книгъ съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ, такъ что въ отчетномъ году при школѣ была открыта и народная читальня. Но главнымъ слѣдствіемъ возраставшаго интереса къ чтенію книгъ было то, что у читателей возникло желаніе не только прочесть, но и приобрѣсть книгу въ собственность. Стали постоянно обращаться въ школу или за совѣтомъ, что и гдѣ приобрѣсти, или съ просьбой помочь въ этомъ случаѣ, т. е. просто, подешевле и получше купить потребныя книги. Школа, имѣвшая возможность вступитъ въ непосредственныя сношенія съ книжными складами и магазинами, не отказывалась отъ этихъ порученій и понемногу открылось и организовалось при школѣ важное дѣло покупки книгъ для народа. Успѣхъ этого дѣла былъ полный: въ теченіе 1899 года было куплено и выдано при школѣ книгъ, на сумму 1200 р.—цифра очень крупная, если принять во вниманіе, что народъ вообще ук-

ляется отъ покупки дорогихъ книгъ, приобрѣтаетъ ихъ не дороже 10, 20 к. за книгу, а побольшей части въ 2, 3 и 5 коп. По свидѣтельству учителя, завѣдующаго этимъ дѣломъ, многіе изъ крестьянъ заразились даже страстью къ приобрѣтенію книгъ, образовали у себя цѣлыя бібліотеки и хранятъ ихъ въ деревнѣ, гдѣ даже сельскіе священники пользуются книгами изъ нихъ, какъ для своего чтенія, такъ и для того, чтобы по нимъ вести религиозно-нравственныя чтенія и поученія народа¹⁾.

Не въ такомъ, конечно, широкомъ видѣ и размѣрѣ производится выдача книгъ для чтенія и распространяются онѣ въ народѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ Московской епархіи, но вообще дѣло это только въ зародышѣ, очень ограничено и носитъ случайный характеръ.²⁾ При безспорной полезности бібліотеки, при насущной потребности ея для деревни, бібліотеки существуютъ далеко не вездѣ, и тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, дѣятельность ихъ далеко иногда не такъ широка и успѣшна, чтобы не оставалось желать лучшаго для столь насущнаго дѣла.

Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ для открытія бібліотекъ тамъ, гдѣ онѣ отсутствуютъ, и для подъема ихъ дѣятельности тамъ, гдѣ онѣ малоуспѣшны, весьма могутъ пригодиться практическія замѣчанія о бібліотекѣ, предлагаемыя въ Тамб. Еп. Вѣд. (1902 г. № 18), впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ ограниченій.

Все будущее бібліотекъ, по сообщенію указаннаго органа, зависитъ отъ болѣе или

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о просвѣдительной дѣятельности Преображенской школы напечатаны въ ноябрской книжкѣ жур. „Народное Образование“ за 1900 г. въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Преображенская школа въ Москвѣ“.

²⁾ Въ послѣднее время въ Москвѣ при Епархіальномъ Домѣ предполагается устроить книжный складъ для снабженія всѣхъ школъ епархіи учебниками, учебными пособіями и книгами для народнаго чтенія.

менше удовлетворительнаго рѣшенія слѣдующихъ 5 вопросовъ: 1) кто долженъ быть инициаторомъ и устройтеlemъ библіотеки, 2) каково содержаніе книгъ библіотеки, 3) гдѣ она должна помѣщаться, 4) на какія средства библіотека должна поддерживаться и 5) кто ею долженъ завѣдывать?

Отвѣтъ на первый вопросъ весьма ясенъ—завѣдывать библіотекой могутъ: священникъ, учитель, мѣстный землевладѣлецъ, но при непремѣнномъ участіи священника, чтобы затѣя эта имѣла нѣкоторое значеніе въ глазахъ крестьянина, для котораго авторитетъ „батьюшки“ въ столь важномъ дѣлѣ прежде всего имѣетъ силу. Со стороны земства, Министерства и пр. здѣсь умѣстно и благодѣтельно только содѣйствіе. Приказы, циркуляры едва ли приносятъ пользу въ этомъ живомъ дѣлѣ. Можно разослать библіотеки, затратить тысячи, а книги будутъ лежать безъ всякаго употребленія, какъ это нынѣ по мѣстамъ и усматривается въ жизни волостныхъ библіотекъ, за весьма немногими исключеніями, совершенно бездѣйствующихъ.

При рѣшеніи вопроса о составѣ библіотекъ, естественно должно считаться съ запросами народа. Если предлагать народу то, что нравится интеллигенціи, что на ея взглядъ хорошо, то легко можно испортить все дѣло. Во всякомъ дѣлѣ самопочинъ, свое желаніе, свой вкусъ даютъ значительную долю жизни. Нужно это имѣть въ виду. А народъ любитъ почитать отъ божественнаго, историческаго, нравоучительнаго, полезнаго. Со временемъ, когда народъ разовьется, онъ самъ, можетъ быть, предъявить запросы на чтеніе такихъ книгъ, которыя теперь преждевременно предлагать ему. Но въ данное время, когда народъ „съ довѣріемъ и уваженіемъ смотритъ на всякую книгу, считая ее носителницею житейской мудрости, нужно со строгимъ разборомъ опредѣлить, что на первый разъ должно быть предложено народу“. Лучшее всего въ указанныхъ отдѣ-

лахъ—божественномъ, историческомъ и нравоучительномъ воспользоваться готовыми трудами комиссіи общества народныхъ чтеній по Тамбовской губерніи.

Третій вопросъ,—гдѣ должна помѣщаться библіотека? на первый взглядъ можетъ казаться несерьезнымъ. Не все ли равно, гдѣ ни помѣщается сельская библіотека—въ волостномъ ли правленіи, въ школѣ, въ наемномъ ли, или отдѣльномъ зданіи? На дѣлѣ же не такъ. Если бы народъ сознавалъ пользу и необходимость библіотеки, тогда по вопросу о помѣщеніи библіотеки не могло бы быть и рѣчи. Но теперь, когда библіотеки еще только зарождаются, когда народъ склоненъ считать ихъ не особенно важнымъ дѣломъ, иногда и прямо таки излишнею роскошью, безъ которой легко обойтись и на которую не стоитъ „тратить денегъ“ и времени при получкѣ и возвратѣ книгъ, съ этимъ вопросомъ нельзя не считаться. Нужно дать народу не только книгу, но и удобство пользоваться ею. Отсюда, помимо бесплатности, становится важнымъ вопросъ и о помѣщеніи библіотеки. Практика помѣщенія библіотекъ въ волостныхъ правленіяхъ даетъ, по большей части, малоплодные результаты. Еще кто поближе живетъ къ зданію волостнаго правленія, или обязанъ бывать тамъ часто по должности (волостные судьи, старосты),—тѣ иногда берутъ книги, если, впрочемъ, для выдачи есть время у распорядителя, по большей части, волостнаго писаря. Но остальное населеніе волости, можно сказать, не пользуется книгами, если къ тому же волость состоитъ изъ нѣсколькихъ селъ и деревень. Нужно предположить большой запросъ на чтеніе у населенія, чтобы оно нарочно ходило и ѣздило за книгами за 5—10 верстъ. Итакъ, волостное зданіе не годится для помѣщенія сельскихъ библіотекъ. Нельзя рассчитывать и на помѣщеніе библіотекъ въ наемныхъ зданіяхъ, если уже и на покупку книгъ трудно найти средства. Гдѣ же помѣстить

библіотеку?—Въ школъ? На первый взглядъ мѣсто подходящее. Школа источникъ грамотности въ деревнѣ. Всего естественнѣе въ школъ помѣстить и шкафъ съ народною библіотекою, откуда бы населеніе могло получать средства къ дальнѣйшему образованію. Но не вездѣ школы помѣщаются въ центрѣ села; есть школы на окраинахъ селеній, а не мало и школъ по одной на три—четыре деревни. Для того, чтобы получить книгу изъ библіотеки при школъ, нужно будетъ желающимъ нарочито итти или ѣхать, а это при недосугахъ крестьянъ затруднительно.

Для того, чтобы библіотеки развивались, приходились по вкусу населенію, и чтобы книги изъ оныхъ читались, по словамъ автора настоящей замѣтки въ Тамбовскихъ Еп. Вѣд., нужно найти такое центральное помѣщеніе, въ которомъ бы сходились жители и по другимъ надобностямъ, а попутно брали бы и книги.—Такимъ центральнымъ мѣстомъ въ нашей деревенской Россіи долженъ быть приходскій храмъ. При постоянномъ общеніи нашихъ крестьянъ съ церковью Божіею храмъ представляетъ всѣ удобства для пользованія книгами. Пріѣзжаетъ-ли съ требою, приходитъ ли къ праздничному Богослуженію крестьянинъ, — онъ беретъ или обмѣниваетъ книжку. Если устроить народныя библіотеки при сельскихъ храмахъ, библіотеки будутъ жизненны. Для иллюстраціи авторъ замѣтки ссылается на состояніе церковно-народной библіотеки въ одномъ изъ приходоу своей епархіи, состоящемъ изъ 8 деревень. Въ 1892 году мѣстному настоятелю церкви Епархіальнымъ Начальствомъ дано было разрѣшеніе устроить церковно-народную библіотеку и поставить книжный шкафъ въ храмѣ. Куплено было на первый разъ книгъ на 10 рублей, прибавлено изъ домашней библіотеки священника нѣсколько годныхъ для народа книгъ, да отъ Казанско-Богородичнаго Братства получено было книгъ на 10 руб. Съ этимъ коли-

чествомъ книгъ и началась жизнь библіотеки. Каждый праздникъ между утреней и литургіей священникъ раздастъ книги. Способъ записыванія взятыхъ книгъ цифровой, т. е. записывается № книги, а не названіе ея. Въ библіотечную книгу внесены №№ всѣхъ книгъ, которые крупно проставлены и на обложкѣ каждой книги. Всѣ грамотные жители, а таковыхъ священникъ всѣхъ знаетъ, внесены въ книгу по порядку мѣстожительства, по деревнямъ. Каждому грамотею отведена въ книгѣ графа, въ которую и вносятся №№ взятыхъ книгъ, а получка отмѣчается простымъ зачеркиваніемъ №№. Дѣло идетъ точно и быстро. Каждый праздникъ берется отъ 20 до 50 и болѣе экземпляровъ, а времени на раздачу при такомъ способѣ уходитъ не болѣе получаса. Въ книгѣ крестьяне привыкаютъ видѣть — душеспасительное, полезное для себя. Идутъ въ храмъ молиться Богу, берутъ съ собою свѣчи, поминанья, захватываютъ и книжку, которая, въ виду полученія ея въ храмѣ, пріобрѣтаетъ болѣе авторитетъ въ глазахъ крестьянъ. Одни берутъ книги потому, что проснулась потребность чтенія, знанія, другіе берутъ, заражаясь примѣромъ первыхъ. Видя какъ въ храмѣ, послѣ утрени предъ литургіей, берутъ книги, подходятъ и просятъ себѣ книгъ и такіе прихожане, которымъ самимъ никогда бы не пришла въ голову мысль почитать книжку. А кто разъ взялъ интересную книгу, становится уже постояннымъ читателемъ. Вотъ нѣсколько цифръ изъ жизни описанной церковно-народной библіотеки: въ 1893 году книгъ было 218 экз., читателей 65, а выдачъ 890. Въ 1900 году книгъ было 410 экз., читателей 113, а выдачъ 1662 экзем.

Такимъ образомъ, приходскій храмъ, по мнѣнію автора замѣтки—самое подходящее мѣсто для церковно-народной библіотеки. При такой постановкѣ дается вѣрное ручательство въ томъ, что содержаніе книгъ библіотеки будетъ соответствовать

своему назначенію, и въ томъ, что библіотека не залѣснѣеть. При такой постановкѣ легко раздобыть средства для библіотеки. Къ ея услугамъ—церковныя средства. Если брать изъ нихъ ежегодно до 10—15 руб., (по описанному опыту этихъ денегъ совершенно достаточно для пополненія библіотеки), ни Епархіальное Начальство, ни прихожане препятствовать не будутъ. Всеъ видно, что деньги идутъ на общую пользу и безъ особеннаго налога на населеніе.

Наконецъ, отвѣтъ на послѣдній вопросъ при устройствѣ сельскихъ библіотекъ, — *кто долженъ заведывать библіотекой?*—ясенъ самъ собою. Другого библіотекаря и быть не можетъ, какъ священникъ, или подъ его наблюденіемъ кто-либо изъ причта. На священникѣ и причтѣ лежитъ обязанность не только исправлять требы, но и заботиться о наученіи и просвѣщеніи народа. О школьномъ наученіи духовенство всегда заботилось, но не слѣдуетъ ограничивать дѣло просвѣщенія школой. А легчайшее средство для просвѣтительнаго вліянія на взрослыхъ организація библіотекъ. Наше учительное съ церковной каедрой слово много будетъ дѣйствительнѣе, если умъ и сердце слушателей будутъ развиты черезъ чтеніе книгъ.

Таково мнѣніе М—ва въ Тамб. Еп. Вѣд. о наилучшемъ устройствѣ и условіяхъ успѣшности библіотеки. — Съ своей стороны, отстаивая мысль о болѣшей умѣстности и успѣшности библіотеки при школѣ, мы приведемъ въ пользу этого слѣдующія соображенія: не совсѣмъ удобно и желательно имѣть въ храмѣ книжный шкафъ (какъ предлагается въ Тамб. Еп. Вѣд.), въ которомъ всегда могутъ оказаться, а по настоящимъ условіямъ жизни и должны оказаться, и желательны—такія книги, за

недостатокъ ознакомленія съ которыми народа справедливо упрекають дѣятелей церковно-народнаго образованія люди противоположнаго лагеря. Таковы, на примѣръ, *избранныя* сочиненія нашихъ лучшихъ свѣтскихъ писателей. Еще легче оправдать большую успѣшность библіотеки не при церкви, какъ говорится въ замѣткѣ Тамб. Вѣд., а именно при школѣ. Въ первомъ случаѣ выдача книгъ священникомъ ограничивается праздниками и экстренными—вообще не столь частыми случаями прибытія прихожанъ въ церковь; во второмъ—учитель школы, каждый день имѣющій дѣло съ юными представителями самыхъ отдаленныхъ семей прайхода, имѣетъ, значитъ, и большую возможность проводить черезъ нихъ назидательную и полезную книгу въ глубь народа, тѣмъ болѣе, что берущіе книгу въ церкви едва ли не обратятся для ознакомленія съ нею къ помощи того же *школьника*, долгое время еще имѣющаго оставаться единственнымъ грамотеемъ въ крестьянской семьѣ.

Лучше всего было бы, по нашему мнѣнію, соединять обѣ указанныя возможности благотворить народу столь насущною и благодѣтельною ему пищею. Гдѣ только можно и какъ только можно, книга должна быть даваема народу, вездѣ, безъ всякихъ препятствій, безъ всякихъ стѣснительныхъ для него формальностей и мытарствъ. Хорошая и умная книга одна поможетъ заинтересовать и облагородить душу и сердце народа: заставитъ „опротивѣть“ ему эти гнусныя злоупотребленія его любознательностью и религіозностію, вродѣ „Сновъ Богородицы“ и дешевой лубочной литературы, нанесетъ незамѣтный и вѣрный ударъ—кабаку, грубости деревенскихъ нравовъ и невѣжеству.

Страничка для дѣтей.

Кто былъ старецъ Серафимъ Саровскій?

Вы знаете, конечно, что такое старый дремучій лѣсъ. Знаете и то, какъ жутко бываетъ въ немъ одному, когда зашумитъ онъ своими вершинами, зашелеститъ, покачиваясь, своими зелеными вѣтвями. И много у насъ, на святой Руси, такихъ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ. А въ старое время ихъ было еще болѣе...

Но не боялись этихъ лѣсовъ русскіе благочестивые пустынники. Любили они лѣсную чашу и селились въ ней, чтобы здѣсь, въ тишинѣ и уединеніи, молиться своему Творцу. И ни дикіе звѣри, ни злые люди не страшили ихъ, потому что всегда они уповали на Бога.

Въ такомъ-то темномъ дремучемъ лѣсу, въ Тамбовской губернии, скромно пріютилась иноческая обитель, называемая Саровскою. Всякому благочестивому страннику покажутъ здѣсь иноки небольшой чугунный памятникъ, въ видѣ гробницы, на которомъ написано: „Онъ жилъ во славу Божию 73 года, 5 мѣсяцевъ и 12-ть дней“.

Знаете-ли, дѣти, чья это могилка, знаете-ли, кто это „жилъ во славу Божию?“

Здѣсь жилъ одинъ благочестивый старецъ, по имени Серафимъ. Вотъ уже 70 лѣтъ прошло съ

того времени, какъ умеръ онъ. И однако этого, по истинѣ дивнаго, старца еще не забыли за это время, не забыли потому, что онъ не забылъ православно-русскій народъ; часто, съ неба, помогаетъ онъ въ бѣдахъ тѣмъ, кто чтитъ его память. А чтутъ его память очень и очень многіе, а среди этихъ многихъ самъ Православно-Русскій Царь.

И не военная слава, не блестящія побѣды, не богатство и знатность прославили смиреннаго пустынника Серафима. Нѣтъ; горячая любовь къ Богу и къ ближнимъ, которымъ онъ помогалъ своимъ совѣтомъ, и ласковымъ словомъ. Ближними-же у пустынника были всѣ люди: и богатые и бѣдные, и друзья и враги!

А научился этотъ кроткій пустынникъ любить своего небеснаго Творца и своихъ ближнихъ еще у себя въ родномъ городѣ Курскѣ, гдѣ жили его родители и гдѣ родился онъ въ 1759 году. Здѣсь, подъ родительскимъ кровомъ, у подвижника Серафима, въ дѣтствѣ, до пустыннаго житія, называвшагося Прохоромъ, былъ всегда предъ глазами добрый примѣръ благочестія его родителей. И онъ, кроткій и послушный мальчикъ, учился у нихъ всему доброму.

Однажды родители этого маль-

чика, Исидоръ и Агаея, задумали построить каменный храмъ въ честь преподобнаго Сергія. Храмъ былъ скоро построенъ. И вотъ мальчикъ полюбилъ всею душою этотъ храмъ: сюда ходилъ онъ и въ праздничные и въ будніе дни къ службѣ Божіей; и здѣсь онъ своими дѣтскими чистыми устами возносилъ сердечныя мольбы къ милосердому Творцу и къ великому молитвеннику Русской земли—преподобному Сергію, которому былъ посвященъ храмъ. Если случалось иногда мальчику видѣть убогихъ и нищихъ, то онъ, по примѣру своихъ родителей, раздавалъ имъ всѣ лишнія сбереженія, какія у него имѣлись. Вотъ, дѣти, назидательный примѣръ для васъ!

И посмотрите, какъ Богъ хранилъ этого тихаго кроткаго мальчика. Когда ему было 7 лѣтъ, мать пошла съ нимъ однажды посмотреть на строившуюся колокольню при Сергіевской церкви. Здѣсь ребенокъ потерялся изъ виду матери и, оставшись одинъ, по неосторожности упалъ со стройки на землю. Въ великомъ испугѣ опечаленная мать сбѣжала съ колокольни, чтобы посмотреть на свое дѣтище. И что-же?! Она увидѣла здѣсь его цѣлымъ и невредимымъ: дитя стояло на ногахъ. Пошли распросы: съ какой высоты упалъ, какъ цѣлъ остался?.. А мать на все это отвѣчала слезами радости и благодарностію Творцу за особое попеченіе объ ея малютокѣ—сынѣ.

Черезъ три года послѣ этого событія надъ добрымъ ребенкомъ было снова явлено знаменіе особаго милосердія Божія. Ему было десять лѣтъ. Видя въ немъ болшую смѣтливость, мать отдала его учиться церковной грамотѣ. Съ молитвою принялся онъ за это дѣло и быстро научился читать. Но, къ великому огорченію матери, ученіе его должно было прекратиться. Мальчикъ сильно захворалъ, такъ что даже на надѣялись на его выздоровленіе.

Но Богъ и здѣсь не оставилъ его безъ помощи. Разъ больной мальчикъ заснулъ. И вотъ видитъ онъ въ сонномъ видѣніи Пресвятую Владычицу, Матерь Божію, которая обѣщала посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Проснувшись, больной рассказалъ объ этомъ матери. Мать благодарила за все Бога и въ глубинѣ сердца надѣялась на заступленіе Богоматери. И ея надежда оправдалась. Черезъ нѣсколько дней послѣ видѣнія въ дворъ того самого дома, гдѣ лежалъ больной мальчикъ, неожиданно была внесена Курская чудотворная икона Знаменія Божіей Матери. Дѣло было такъ. Во время одного изъ крестныхъ ходовъ несли эту икону по городу. Вдругъ пошелъ сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ходъ, для сокращенія пути, пошелъ черезъ тотъ самый дворъ, гдѣ жила мать Прохора. Пользуясь этимъ случаемъ, мать больного, вспомнившая свидѣніе и прозрѣвшая въ этомъ

появленіи иконы особое благодатное посѣщеніе Богоматери, вынесла сына на дворъ, приложила его къ чудотворной иконѣ и поднесла подъ ея осѣненіе.... Большой быстро послѣ этого сталъ поправляться и скоро совсѣмъ выздоровѣлъ. Такъ исполнилось обѣщаніе Царицы Небесной посѣтить отрока и исцѣлить его отъ недуга.

И снова благочестивый мальчикъ, исцѣленный Богоматерью, предался изученію грамоты. Особенно любимыми книгами его были: часословъ, псалтирь и святая Библия. Въ нихъ онъ черпалъ уроки мудрости—уроки любви къ Богу и ближнимъ.

Съ теченіемъ времени, когда мальчикъ подросъ, онъ сталъ помогать въ торговлѣ своему старшему брату, который торговалъ необходимыми въ крестьянскомъ быту вещами: ремнями, дегтемъ, бичевкой, дугами, шлеями, желѣзомъ, лаптями и т. п. Но не лежало, видно, сердце его къ барышу и наживѣ. Не объ этомъ думалъ благодатный отрокъ: его влекло туда, гдѣ можно стяжать себѣ сокровище духовное, вѣчное спасеніе, туда—въ пустынное уединеніе.

И вотъ онъ готовится себя къ новой жизни пустытника: рано встаетъ онъ и до открытія торговли, послѣ домашней молитвы, спѣшитъ въ храмъ Божій, чтобы тамъ еще вознести свои молитвы къ Творцу. Бога не забывалъ онъ и въ будніе дни. Ему же посвящалъ и весь празд-

ничный отдыхъ: утромъ его видѣли обыкновенно въ храмѣ, а днемъ за чтеніемъ духовныхъ, назидательныхъ книгъ. Иногда онъ собиралъ къ себѣ и товарищей, но не для праздной забавы, не для шумныхъ игръ и разгула, а для того, чтобы и имъ прочесть что-либо „отъ божественнаго“, чтобы и ихъ наставить на доброе и полезное. Вотъ назидательный урокъ, вотъ у кого нужно учиться достойно проводить праздничные дни!

Въ это время нашелся, между прочимъ, у набожнаго отрока добрый другъ. Это былъ одинъ юродивый. Горячо полюбилъ юродивый Прохора и ищетъ болѣе расположилъ его къ благочестивой, уединенной жизни, какою и самъ проводилъ.

И вотъ созрѣлъ отрокъ для пустыннаго житія! На 17 году жизни испросилъ онъ у матери позволеніе уединиться въ тихую обитель. Трогательно было прощаніе отрока съ матерью. Какъ ни грустно было старушкѣ разставаться съ сыномъ, однако она, со слезами на глазахъ, дряхлою рукою благословила его большимъ мѣднымъ крестомъ и дала приложиться ему къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери. Сынъ, въ свою очередь, помолился Богу и, поклонившись своей родительницѣ въ ноги, взявъ ея благословеніе—мѣдный крестъ, надѣлъ на свою подвижническую грудь и отправился съ нимъ въ дальній путь. Съ грустью провожала мать своего

послушнаго сына... Думала было она удержать его, но, прослезившись, рѣшила не препятствовать ему въ его подвигахъ...

А рабъ Божій, молодой юноша, горя пламенною любовью къ Богу, тихо удалялся туда, куда призывалъ его Создатель...

Но не сразу великій Саровскій пустынникъ направился въ Тамбовскій край. Зашелъ онъ прежде въ Кіевъ, преклонилъ здѣсь у мощей угодниковъ Божіихъ свои колѣна... Здѣсь его благословилъ одинъ прозорливый старецъ, по имени Досифей, и сказалъ юному подвижнику: „иди, чадо Божіе, и пребуди въ Саровской обители; мѣсто сіе будетъ тебѣ во спасеніе; съ помощію Божіей тамъ окончишь ты и свое земное странствованіе. Святой Духъ, сокровище всѣхъ благихъ, поможетъ тебѣ“.

Теперь не оставалось мѣста колебаніямъ; Прохоръ пошелъ въ Саровъ.

Вотъ, кроткимъ, смиреннымъ юношей, никѣмъ незнаемый, тихо приходитъ онъ, въ 1778 г., въ Саровскую пустынь, и получаетъ имя Серафима вмѣсто прежняго—Прохора. Онъ, созданіе Божіе, спокойно селится среди непроходимыхъ лѣсовъ, подъ вѣковыми соснами и елями среди звѣрей. Ничего не боится онъ. Онъ молится Богу. И Богъ всегда съ нимъ—хранитъ его. Начинаются его изумительные подвиги. Онъ постоянно молится—молится по долгу. Однажды молился онъ тысячу ночей въ лѣсу и тысячу дней

у себя въ тѣсной комнаткѣ. Всѣхъ любить онъ: плачетъ съ плачущимъ, сѣтуетъ со скорбящимъ, прощаетъ обидящимъ его. Такъ, однажды, на примѣръ, онъ простилъ разбойникамъ, которые напали на его келлію и, ища денегъ, даже побили пустынника. Такъ не злобивъ онъ былъ... А какъ привѣтливо говорилъ онъ съ тѣми, кто посѣщалъ его. „Радость моя“—называлъ, бывало, онъ посѣтителей. Ничего не имѣлъ онъ у себя въ келліи кромѣ сухариковъ изъ чернаго хлѣба. Но и этой скудной пищей дѣлился онъ съ богомольцами и съ лѣсными звѣрями.. Да, дивный былъ пустынникъ—смиренный подвижникъ. Много поучительнаго въ его жизни.

За эти-то подвиги Богъ еще и при жизни прославилъ пустынника: по молитвѣ его совершались чудеса, его молитвеннымъ заступленіемъ сохранены были многіе отъ скорбей и напастей. Кромѣ того, за свою благочестивую жизнь смиренный пустынножитель Серафимъ былъ удостоенъ однажды въ храмѣ небеснаго видѣнія Спасителя, окруженнаго безплотными духами—Серафимами, и Херувимами, Архангелами и Ангелами. А не за-долго до его кончины его келлію посѣтила Пречистая Владычица, Матерь Божія, съ Іоанномъ Крестителемъ, Іоанномъ Богословомъ и святыми женами... Вотъ какихъ милостей отъ Бога удостоился пустынникъ.

Не всѣ, конечно, дѣти, можемъ мы быть пустынниками. Но лю-

бить Бога и храмъ Божій всѣ можемъ. И эту любовь должны воспитывать мы въ себѣ съ самаго ранняго дѣтства, какъ этотъ великій пустынный Серафимъ. Вѣдь дѣтство — это такая пора, когда Господь особенно близокъ

къ намъ. Вѣдь вы знаете, конечно, изъ святаго Евангелія, съ какою нѣжностью, съ какою любовью благословилъ Онъ, Небесный Отецъ, малолѣтнихъ дѣтей за чистоту ихъ дѣтскихъ сердецъ.

В—й.

Переписка нашихъ читателей.

Мы получили слѣдующія строки отъ автора письма, помѣщеннаго въ отрывкахъ въ „Нашемъ Дневникѣ“ № 7:

Ваше Высокопреподобіе!

И во снѣ не приснилось мнѣ, что выдержки изъ моего письма по поводу смерти С. А. Рачинскаго будутъ напечатаны въ „Божіей Нивѣ.“ — Написалъ я то, что чувствовалъ. Въ минуту сознанія своей немощи представлялось мнѣ нравственное величіе усопшаго не менѣе величія пророка. Съ почтительнымъ благоговѣніемъ преклоняюсь передъ этимъ величіемъ. Храплю его письма (писанныя его рукой) какъ святыню. — Будь я православный, я думалъ бы о немъ тоже самое — что онъ пророкъ. Пророкъ — вѣдь это мужъ, предвидящій большія народныя бѣдствія, и признающій эти бѣдствія естественнымъ послѣдствіемъ пороковъ. Пророкъ — это мужъ, посвящающій, вслѣдствіе того, всю свою жизнь дѣлу возбужденія въ народѣ сознанія его грѣховности въ надеждѣ побудить ихъ къ исправленію образа жизни. Таковъ былъ Рачинскій. Чѣмъ же онъ не пророкъ?

Наше время и дѣятельность Рачинскаго напоминаютъ времена Ильи пророка; ибо мы съ такимъ же (если не большимъ) усердіемъ поклоняемся идолу-алкоголю, чѣмъ во время оно поклонялись ваалу.

Но не въ вѣтрѣ, не въ землетрясеніи, не въ огнѣ Господь, а въ вѣяніи тихаго вѣтра.

Вѣтеръ Редстока, землетрясеніе Пашкова, огонь Л. Толстого должны были предшествовать вѣянію тихаго вѣтра Рачинскаго. Кто же дерзнетъ утверждать, что въ этомъ тихомъ вѣяніи была какая нибудь другая сила, а не сила Господня?

Какъ разъ въ то самое время, когда большинство поклоняющихся современному ваалу — алкоголю, проникнутые гордой самонадѣянностью, твердили: „здѣсь храмъ Божій, храмъ Божій, храмъ Божій“, — прозвучалъ къ народной совѣсти смѣлый, серьезный вопросъ Рачинскаго:

„Хрістіане ли мы?“

„Нѣтъ, если мы способны мириться съ подобными вещами!“ (Письмо VII къ духовн. юнош.).

И этотъ вопросъ съ отвѣтомъ послужилъ для многихъ и многихъ поворотной точкой къ лучшей, трезвой жизни; тысячи спохватились, опомнились, проснулись отъ спячки духовной и „бодрствуютъ и утверждаютъ прочее, близкое къ смерти“. — У всѣхъ, думаю, зашевелился въ сердцѣ вопросъ, какъ во время послѣдняго ветхозавѣтнаго пророка Іоанна Крестителя, — „что же намъ дѣлать?“ — По крайней мѣрѣ никто не посмѣлъ идти противъ этого рожна, то есть никто не возражалъ Рачинскому въ печати.

Далѣе авторъ, какъ ревнитель трезвости, указываетъ, что было бы желательно сдѣлать, чтобы воздвигнуть нерукотворный памятникъ великому борцу за трезвость, С. А. Рачинскому:

Письмо XXXVII къ духовному юношеству заканчиваетъ Рачинскій слѣдующими словами: „Пишу потому, что это мой долгъ. Вразумить Васъ могу не я. Вразумить можетъ Васъ Богъ. Болѣе, чѣмъ на мои писанія, надѣюсь на молитву, и не на мою грѣшную молитву, а на молитву окружающихъ меня дѣтей и отроковъ“.....

Значить — Сергій Александровичъ по-

буждалъ учениковъ своихъ молиться за дѣло трезвости; собственно говоря — не заставлялъ, какъ заставляютъ продекларировать стишки, а вѣрнѣе всего, рисуя передъ учениками всю гнусность, пагубу, несчастіе отъ алкогольнаго яда, съумѣлъ властно склонять сердца дѣтей къ добровольной, усердной молитвѣ объ избавленіи отъ этого недуга.

Такое дѣло стоитъ подражанія.

Интересно узнать, какъ это дѣлалъ Сергій Александровичъ. Не правда ли?—Стоить Вамъ пригласить, черезъ „Божію Ниву“, бывшихъ воспитанниковъ Рачинскаго, чтобы сообщали Вамъ подробно, какъ усвоивъ вооружалъ дѣтей бороться оружіемъ молитвы противъ алкогольнаго бѣса. Очень многіе отзовутся съ сочувствіемъ, и Вы получите богатый матеріалъ для обработки. Сколько добрыхъ побужденій, начинаній, подражаній усвошему произойдетъ черезъ такую работу!

Такимъ образомъ Вы, съ помощію Божіей,—да съ помощію своихъ корреспондентовъ воздвигнете живой памятникъ въ сердцахъ сельскихъ учителей и законоучителей, памятникъ, достойный незабвеннаго Сергія Александровича Рачинскаго.

Глубоко были бы мы благодарны, если бы почитатели памяти незабвеннаго Сергія Александровича Рачинскаго откликнулись на такой призывъ. Съ радостью открываемъ страницы своего изданія для такихъ сообщеній, какихъ желаетъ авторъ письма. Въ нашей программѣ уже предусматрѣны подобныя сообщенія о борьбѣ школы съ пьянствомъ—этимъ величайшимъ зломъ, которое положительно губитъ цѣлыя поколѣнія, ведетъ къ вырожденію массы народныхъ и гибельнѣе всякой чумы дѣйствуетъ на народъ какъ въ духовномъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Приведемъ здѣсь еще страничку изъ письма того же автора:

Мѣсяцъ тому назадъ пришелъ къ намъ въ имѣніе изъ дер. З—я крестьянинъ Игнатъ, извѣстный пьяница, и просилъ управляющаго купить у него сѣна.—Меня послали осмотрѣть сѣно. Прибывъ въ З—е, я ужаснулся при видѣ убогой избы бѣднаго пьяницы. Изба представляетъ самый

жалкій видъ, до того ветха, что опасно подойти близко. Покачнулася на одинъ бокъ, ушла въ землю по самыя окна; стекла почти всѣ разбиты и заткнуты тряпьемъ. Крыша раскрыта, только по краямъ держится гнилая солома на рѣшетникѣ. Нѣтъ у Игната ни лошади ни коровы, ни овечки; нѣтъ ни двора, и сѣней даже нѣтъ. На мѣстѣ сѣней прислонены жерди съ набросанной на нихъ гнилой осокой. „Какъ же вы тутъ живете?“ спрашиваю Игната. „Такъ и живемъ“, отвѣчаетъ, „соломы нѣтъ, не чѣмъ покрыть... накошу осоки, покрою“.—Въ избѣ видъ еще ужаснѣе: сверху течетъ, съ боковъ сквозитъ. На мокромъ полу спали (было 6 ч. утра) свернувшись какъ червячки трое дѣтей, покрытые лохмотьями, четвертый, грудной, лежалъ въ люлькѣ. Вся домашняя утварь состояла изъ чугунка, двухъ-трехъ черепушекъ, ухвата, стараго столика съ солонкой на немъ, лавки, скамейки, на скамейкѣ лежала ржаная лепешка. Сосѣди говорятъ, что ночью, при вѣтряной погодѣ, вся семья ночуетъ подъ открытымъ небомъ, боясь, чтобы не задавило.—Игнатъ—мужикъ здоровенный, лѣтъ 35, хорошій работникъ по разработкѣ лѣса, зарабатываетъ иногда по 2¹/₂ рубля въ день, но вслѣдствіе пьяной жизни дошелъ уже до того, что и угла своего нѣтъ, а въ служеніе (работѣ или сторожа) никто его не беретъ по его слабости.

Тутъ вспомнились мнѣ слова Рачинскаго о молитвѣ дѣтей и отроковъ. Въ З—ѣ дѣти и школьники мѣстной школы ежедневно видятъ несчастную семью Игната, и никто, думаю, не вздохнетъ ко Господу о несчастныхъ. Ужъ больно призывали они видѣть подобные виды. И выходитъ, что „на погостѣ жить, обо всѣхъ тужить—слезъ не наготовишься“.—А Рачинскій умѣлъ вѣдь показать дѣтямъ несчастіе въ настоящемъ его видѣ и склонять сердца ихъ къ молитвѣ. Не въ одномъ нашемъ З—ѣ, но въ каждой деревнѣ можно встрѣчать подобныхъ несчастныхъ. Художники наши! придите, посмотрите, вотъ вамъ матеріалъ для изображенія народнаго бѣдствія отъ алкоголя, пишите и вывѣшивайте картины на видныя мѣста; такія картины современны, и необходимо, чтобы хотя полюбовались на нихъ современные люди, тѣ люди, къ которымъ относятся огненные слова С. А. Рачинскаго.

Тутъ авторъ повторяетъ слова, уже приведенныя нами въ „Дневникъ“ № 7-й изъ книги Рачинскаго „Сельская Школа“.

Это слово, продолжаетъ авторъ, слѣдуетъ написать сверху каждой картины, а внизу другое слово Рачинскаго:

„Хрістіане ли мы?“

„Нѣтъ, если способны мириться съ подобными вещами!“

О, еслибы почаще раздавались такія голоса, еслибы во всѣхъ нашихъ школахъ воспитывалось въ дѣтяхъ чувство отвра-

щенія къ пьянству, страхъ предъ самою возможностью опьяненія, какъ предъ чѣмъ-то ужаснымъ, богопротивнымъ, погубительнымъ... Будемъ вѣрить, что проповѣдь трезвости не умерла съ великимъ ревнителемъ трезвости, что его ученики и почитатели съумѣютъ брошенную имъ святую искру раздуть въ пламя великое, и Русскій народъ пойметъ наконецъ и сердцемъ почувствуетъ, что въ пьянствѣ—его гибель, а въ трезвости—величіе и счастье...

БИБЛЮГРАФІЯ.

Объ истинно-нравственномъ воспитаніи. Чтенія по Закону Божію для слушательницъ педагогическихъ курсовъ при С.-Петерб. женскихъ гимназіяхъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное подъ редакціей законоуч. протоіерея А. Дернава. Въ 3-хъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1902 г. стр. I—IV+520.

Цѣна 3 рубля.

Этотъ, довольно обширный, трудъ, заглавіе котораго выписано нами здѣсь, можетъ быть справедливо разсматриваемъ какъ плодъ поучительнаго и обширнаго законоучительскаго опыта двухъ ревностныхъ наставниковъ Закона Божія, изъ коихъ одинъ, М. И. Соколовъ, съ честью уже окончилъ земное поприще, а другой, вѣрный завѣтамъ и единомышленный по духу почившему, А. Дернавъ, еще стоитъ на стражѣ пастыря и наставника Закона Божія.

Когда появилось первое изданіе этого труда, то одинъ библиографъ не безъ основанія писалъ по поводу этой книги: „какъ видно изъ изданныхъ чтеній, слушательницы педагогическихъ курсовъ, слушавшія внимательно полный курсъ по Закону Божію, должны были выносить основательныя знанія главныхъ истинъ хрістіанскаго вѣро- и нравоученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знакомство со взглядами хрістіанской Церкви на дѣло воспитанія, которые впоследствии будутъ предохранять ихъ отъ увлеченій взглядами отрицательнаго характера“. Краткое время, которое отдѣляетъ первое изданіе отъ появленія настоящаго—второго показало, что эта книга нашла сочувственный откликъ и не въ средѣ только слушательницъ покойнаго М. И. Соколова и А. Дернава, а и вообще у всѣхъ тѣхъ, кто интересуется правильной постанов-

кой дѣла преподаванія Закона Божія въ школахъ.

И эта быстрая распродажа перваго изданія вполне понятна. Въ этой книгѣ интересующійся вопросомъ о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ школахъ найдетъ и теплыя, прочувствованныя разсужденія о важности и значеніи изученія Закона Божія въ школахъ, и указанія на приемы, съ какихъ должно начинать и съ какими должно вести дѣло изученія Закона Божія, и историческій обзоръ najbolше выдающихся возрѣвнй на необходимость религіозно-нравственнаго обученія вообще и изученія Закона Божія въ частности, и живые примѣры религіозно-просвѣщенныхъ женъ и мужей... Поэтому намъ кажется вполне уместнымъ названіе этого почтеннаго труда „Чтеніемъ“. Это именно *чтеніе*, одинаково приятное и для слушателя и для читателя. Правда, здѣсь нѣтъ какихъ-либо особыхъ новыхъ оригинальныхъ взглядовъ. По частямъ они встрѣчаются и у другихъ авторовъ. Таковы, на примѣръ, взгляды на истинно-хрістіанскую семью, на значеніе первыхъ впечатлѣній дитяти, на уроки религіозности со стороны отца и матери (стр. 24 и далѣе), о чемъ можно читать и у другихъ авторовъ... Но издатель и не думалъ объ оригинальности. Здѣсь все говорилось отъ простаго сердца и для простыхъ серд-

цемъ. И это вполне удалось. Мы могли-бы указать здѣсь на цѣлый рядъ задушевныхъ сужденій по вопросу о религиозномъ воспитаніи юношества—сужденій частью собственныхъ, частью заимствованныхъ, на примѣръ, у затворника Теофана, у архіеп. Амвросія (о св. отцахъ, разумѣется, и говорить нечего) и др. Не вдаваясь въ подробности, мы позволяемъ себѣ отмѣтить здѣсь лишь общій взглядъ на нравственный долгъ каждаго воспитателя и въ частности каждаго законоучителя, основательно развиваемый въ этомъ трудѣ: „нравственный долгъ воспитателя, говорится здѣсь, слабую религиозность укрѣпить, мало-сознательную сдѣлать осмысленною и болѣе глубокою, ненормальную должнымъ руководствомъ направить на истинный путь, указанный Тѣмъ, Кто сказалъ: *никто не приходитъ къ Отцу какъ только чрезъ Меня* (Іоан. 14, 6). За что лишать ребенка помощи въ развитіи религиозности, которая составляетъ лучшее украшеніе человѣка? За чѣмъ давать ему возможность оставаться мало или ненормально религиознымъ? За что, скажемъ, наконецъ, съ чисто-христіанской точки зрѣнія,—лишать его здѣсь, на землѣ, предвкушенія будущей блажен-

ной жизни, будущаго царствія небеснаго?.. Церковный идеалъ человѣка—самый широкій и возвышенный: „да будетъ *совершенно Божіей человекъ, по всякому добродѣлю приготовленъ*“ (2 Тим. 3, 17)—вотъ какъ выражается онъ... И какъ прискорбно, что многіе дѣлатели настоящаго времени въ области педагогіи не хотятъ признать истиннаго значенія этого церковнаго идеала! А это непризнание ведетъ къ печальнымъ и опаснымъ послѣдствіямъ для жизни нашего отечества“ (Стр. 506—507). Нельзя не признать очевидной справедливости этихъ словъ.

Въ заключеніе этой замѣтки мы не можемъ не пожелать болѣе широкаго распространенія этому полезному и симпатичному труду—этому, можно сказать, первому печатному опыту „Чтеній“ для слушательницъ педагогическихъ курсовъ и опыту, повторяемъ, очень удачному. И тогда, быть можетъ, почтенный издатель найдетъ возможность нѣсколько уменьшить стоимость своей весьма содержательной книги въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія ея.

Д. В—ій.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Августъ 1902.

Въ прошломъ „Дневникѣ“ мы говорили о крайне печальномъ явленіи нашего времени: въ средѣ христіанъ, считающихъ себя образованными, все болѣе и болѣе распространяется языческой образъ мыслей. На тоже явленіе указываютъ и „Церковныя Вѣдомости“ въ своей статьѣ по поводу новой книги профессора А. И. Введенскаго: „Религиозное сознаніе язычества“. Дня не проходитъ, чтобы въ той или другой газетѣ не появлялось статьи или замѣтки, доказывающей это наглядно. Съ тревогой въ душѣ приходится слѣдить за этимъ явленіемъ. Ядъ язычества вливается незаметно, но очень дѣятельно, и притомъ распространяется на все области мысли и жизни. Сознאות ли это авторы и редакторы газетъ и журналовъ? Какъ бы хотѣлось думать, что—нѣтъ... что они слѣдуютъ только несчастной модѣ, по которой было бы „нели-

берально“ иначе писать и печатать, какъ только въ духѣ всяческой толстовщины, нищезанства и т. п. мудрованій... Это было бы только легкомысліе, хотя и непростительное легкомысліе. Стѣдно и непростительное людамъ, считающимъ себя „руководителями общественнаго мнѣнія“, увлекаться модою подобно дѣтямъ. Къ сожалѣнію, приходится часто убѣждаться, что это не дѣло легкомыслія, а скорѣе—самаго утонченнаго фарисейства. Вотъ между прочимъ характерное явленіе: когда этихъ господъ обличаютъ въ чемъ нибудь, то они прикидываются невинными агнцами, самыми добрыми христіанами, на которыхъ какъ будто бы клеветаютъ ихъ недоброжелатели... Недавно на примѣръ „Гражданинъ“ указалъ „Новому Времени“, что въ вопросѣ о воспитаніи оно упустило изъ виду главное — *духовнонравственное* начало въ воспитаніи, на что

уже не разъ въ послѣдніе смутные годы всякихъ волненій въ средѣ молодежи указано было съ высоты Царскаго Престола. „Новое Время“ на это обидчиво отвѣтило, что оно не только не забыло объ этомъ, но съ своей стороны гораздо раньше самаго начала реформы (рѣчь идетъ о реформѣ средней школы) твердило много лѣтъ и непрерывно, что нельзя же роль учебнаго заведенія сводить къ прохожденію программы, что нужно всесторонне воспитывать ученика и главное—воспитывать его сердце. И въ строкахъ—де приводимымъ „Гражданиномъ“ въ выдержкѣ повторено: „не нужно подавлять нравственныхъ эмоцій въ ученикѣ“... „Гражданинъ“ говоритъ о духовнонравственномъ, *религіозномъ* воспитаніи, а ему отвѣчаютъ: „и мы не желаемъ подавлять нравственныхъ эмоцій въ ученикѣ“... Вотъ и все оправданіе... Что такое „нравственные эмоціи“, есть ли это одно и тоже съ религіозностью, или же просто разумѣется какая нибудь „независимая мораль“, проповѣдываемая теперь всякими „истами“, это пусть читатель самъ разбираетъ... Дальше „Н. Время“ объясняетъ намъ почему они, писатели либеральнаго лагеря, такъ тщательно избѣгаютъ употребленія имени Божія, почему такъ бояться говорить о религіи: они, видите ли, боятся „плоскаго отношенія къ великимъ вещамъ и великимъ понятіямъ къ отношенію углубленному, эстетическому и нравственному“, (sic!), что они боятся сдѣлать изъ этихъ понятій „какой-то трещлющійся флагъ, которымъ сторожа машутъ на перекресткахъ конокъ“.... „Для великаго и дорогаго“, видите ли, „нельзя избирать всякую и всяческую минуту, что оно въ сердцѣ должно быть постоянно, но отнюдь не должно переходить въ какое-то ежеминутное трепанье“.... Ахъ, еслибъ все это говорилось искренно, нелицемерно!.. Но увы, плохо этому вѣрится... Укажите, когда, гдѣ вы, господа либералы всѣхъ оттѣнковъ, твердо, ясно, безъ всякой возможности перетолковать ваши слова, сказали бы, что для нашихъ дѣтей прежде всего и важнѣе всего святая вѣра православная, что въ ней, и только въ ней одной—чистый, свѣтлый источникъ, напаяющій юную душу живою водою, что вѣра во Христа Спасителя, распятаго на крестѣ грѣхъ ради нашихъ, воскресшаго изъ мертвыхъ и вознесшагося

на небо, есть основа всякой истинно плодотворной, духовной, спасительной нравственности?... Вы все толкуете о нравственныхъ „эмоціяхъ“: на что намъ это чужое слово? Вѣдь его можно и такъ и сякъ перетолковать, а вы вотъ скажите прямо, безъ всякихъ „эмоцій“, что вы вѣруете и исповѣдуете такъ, какъ въ нашемъ православномъ катихизисѣ написано что вы готовы умереть за святую вѣру православную, за родную Церковь нашу мать. Повторите по крайней мѣрѣ твердо, съ убѣжденіемъ, безъ намѣреннаго замалчиванья, тѣ святые слова, которыя уже не разъ громко раздавались съ Царскаго Престола,—что только воспитаніе въ духѣ вѣры Православной дастъ счастье нашимъ дѣтямъ... Вотъ тогда мы повѣримъ, что вы искренно толкуете, будто благоговѣнія ради не хотите „трепать флагомъ“ Православія и его святыхъ завѣтовъ... А пока мы читаемъ въ вашихъ печатныхъ листахъ разные бредни гг. Толстыхъ, Розановыхъ, Меньшиковыхъ и имъ подобныхъ новыхъ мудрователей на темы Евангельскія, доколь мы не повѣримъ, что вами руководить въ этомъ умолчаніи о религіи въ вопросахъ воспитанія благоговѣніе къ религіи: нѣтъ, это неправда!.. Вы одно говорите, а другое думаете... Ваши словеса о нравственныхъ „эмоціяхъ“, пробуждаемыхъ „эстетическимъ звукомъ“ Лѣтописи Нестора, о томъ, что „училище должно прививать Русскимъ ученикамъ великія русскія чувства, растить (? sic!) въ нихъ Бога, Государя, отечество“—все это пустые звуки,—отводъ глазъ для простодушныхъ читателей, маска лицемѣрія... Вамъ противно говорить о религіозности въ воспитаніи, не даромъ же ни единого добраго слова мы не читаемъ въ вашихъ широкихъ листахъ о нашихъ церковныхъ школахъ,—напротивъ,—вы готовы всячески имъ подставить ногу, опорочить ихъ—какое ужъ тутъ „религіозное“ воспитаніе!.. Никогда—ни единого слова добраго о нашихъ духовныхъ изданіяхъ, будто ихъ вовсе нѣтъ на свѣтѣ, (ужь не благоговѣете ли и предъ ними и потому молчите?), никогда ни слова ни объ одной серьезной научной работѣ, изданной подъ флагомъ духовной цензуры—все это не стоитъ вашего „просвѣщеннаго“ вниманія... Вы упорно замалчиваете все, что творится добраго въ нѣдрахъ Церкви и отъ имени

Церкви, вы ни словомъ не обмолвитесь въ защиту вѣры, въ защиту Церкви Православной, когда ваши „собратья по перу“ оскорбляютъ ихъ,—когда разные Чермаки ствѣяютъ Будду выше Христа, когда больно больно становится сердцу православному,—да, вы тогда молчите,—и напротивъ, вы тщательно ловите каждый случай, каждую сплетню, лишь бы было можно бросить грязью въ служителей Церкви, въ скромныхъ тружениковъ школы православной,—злорадно печатаете эти сплетни, будто вѣсти дорогія для вашихъ несчастныхъ читателей... Къ чему жъ лицемѣрить? Открывайте забрало, отрекайтесь прямо и откровенно отъ Христа и Его Церкви, идите за своимъ „великимъ“ для васъ учителемъ—великимъ богохульникомъ нашего вѣка!.. Недаромъ же вы посвящаете ему свои хвалебныя гимны, ненапрасно величаете его „геніемъ, достигшимъ нынѣ высочайшихъ вершинъ человѣческой мысли“, отводите ему „первое мѣсто“ въ современной міровой литературѣ, какъ „провозвѣстнику высшихъ началъ добра и правды, какъ общественному дѣятелю съ пуританской совѣстью, какъ благороднѣйшему изъ мыслителей XIX вѣка“, и съ умиленіемъ созерцаете въ этомъ богохульникѣ „величіе умственной и нравственной сущности“. Недаромъ подчеркиваете „всемирную“ извѣстность вашего учителя особенно послѣ того, какъ Церковь вынуждена была обличить его богохульства и предостеречь отъ увлеченія его ученіемъ: съ того времени онъ особенно сталъ для васъ дорогъ и милъ. Онъ вѣдь доставляетъ вамъ „наибольше цѣнную умственную пищу“. Вы—плоть отъ плоти его, и кость отъ костей его—идите же за нимъ открыто, и перестаньте называть себя святѣйшимъ именемъ послѣдователей Христа!.. Тогда ужъ такъ всѣ и

будемъ знать, *какого духа есте вы...* А теперь вы своими красивыми словами въ родѣ „нравственныхъ эмоцій“, только морочите добрыхъ простыхъ читателей своихъ...

Господь сказалъ нѣкогда о современныхъ Ему фарисеяхъ: *горе вамъ, книжники и фарисеи лицемѣри, яко подобиете гробомъ понапленнымъ, иже внѣзуду убо являютя красны, внутрзуду же полни суть костей мертвыхъ и всякия нечистоты. Тако и вы, внзуду убо являетяя человекомъ праведни, внутрзуду же есте полни лицемѣрзя и беззаконія* (Мате. 23, 27, 28). Какъ приложимо это слово къ современнымъ лицемѣрамъ—либераламъ нашимъ! Они кажутся проповѣдниками свободы и добра, а на самомъ дѣлѣ—страшные враги того и другаго; они хотятъ казаться хрістіанами, а на дѣлѣ, и по настроенію мыслей, и по влеченіямъ сердца—язычники. Они вносятъ ядъ невѣрія, легкомыслія, разнузданности въ народную жизнь, отравляютъ юношество, пускаютъ туманъ въ общественную среду и ведутъ общество къ погибели... И тѣмъ опаснѣе ихъ проповѣдь, что она разными путями направляется въ послѣднее время въ среду простаго народа, и тѣмъ зорче надобно слѣдить за всѣми ихъ обманами, что они стремятся проникнуть съ своими „идеями“ въ школу народную... Слава Богу: народъ въ массѣ еще не тронуть ихъ лжеученіями, бережетъ свою душу, цѣлость своего нравственнаго облика: тѣмъ болѣе долъ лежать на тѣхъ, кому ввѣрено охраненіе этой души отъ духовной заразы—на пастыряхъ Церкви и учителяхъ народной церковной школы... Это—святая задача, и велика отъ Бога награда тому, кто бодро станетъ стремиться къ ея выполненію!.....

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ОБЪ ИСТИННО-ХРИСТИАНСКОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Чтенія по Закону Божию для слушательницъ педагогическихъ курсовъ при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

Подъ редакціей протоіерея А. А. Дернова.

Спб. 1902. Изд. 2-е. Цѣна 3 р.

Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Петровская ул. № 10, кв. 17.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
ГОЛОСЪ ПАСТЫРСКАГО СЕРДЦА.
 СБОРНИКЪ ПОУЧЕНІЙ, РАЗМЫШЛЕНІЙ И ДР. СТАТЕЙ
 ПРОТОІЕРЕЯ М. І. ХИТРОВА.

ДВА ТОМА.

Цѣна каждаго тома сей книги безъ пересылки 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., въ папкѣ-корешкѣ—1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к., въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“.

Вышла новая книга
**ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
 РУССКОЙ ЦЕРКВИ.**

Прот. А. Вѣляева.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ ЦѢНА 1 Р.

Продается въ книжныхъ магазинахъ
 Т-ва И. Д. Сытина.

Въ Редакцію „Божіей Нивы“

ТРОИЦКІЙ ПОДАРОКЪ
 ДЛЯ РУССКИХЪ ДѢТЕЙ,

съ 3-мя рисунками въ текстѣ.

Эта полезная книжица заключаетъ въ себѣ
 21 статью для дѣтскаго чтенія, цѣна 20 к.,
 съ перес. 30 к.

Вышли новыя книжки
ТРОИЦКОЙ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ:

Изъ поучительныхъ словъ святителя Іліи Минятія:

Христова скорбь.

Цѣна 10 коп., съ пересылк. 15 коп.

Зависть.

Цѣна 7 коп., съ перес. 10 коп.

О СМЕРТИ.

Цѣна 5 коп. съ пер. 7 коп.

О СОВѢСТИ XIX вѣка

и Божіемъ правосудіи.

Цѣна 8 коп. съ пересылкой 10 коп.

ОСЕННЯЯ БЕСѢДА.

Изъ сочиненій прот. М. І. Хитрова.

Цѣна 10 к., съ перес. 15 к.

Можно получать въ редакцію „Божіей Нивы“.

СОДЕРЖАНІЕ: Взглядъ на воспитаніе на зарѣ христіанства. *Димитрія Введенскаго.*—Какая школа нужна и полезна для народа по мнѣнію его самого? *Селю. Г. Добронравова.*—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учителя Е. Куликова.*—Друзьямъ дѣтей (Учащимъ въ народныхъ школахъ). Стихотвореніе *свящ. А. Державина.*—Какъ дѣти свою школу вымыли. *Учителя.*—Посѣвы и всходы (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Страничка для дѣтей. Кто былъ старецъ Серафимъ Саровскій? *В—го.*—Переписка нашихъ читателей.—Библиографія. *Д. В—го.*—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

Редакторъ Архимандритъ **НИКОНЪ.**

Печатать дозволяется. Визанія. Августа 30 дня,
 1902 года. Цензоръ, Ректоръ Визанскій Духовной
 Семинаріи, Протоіерей *А. Вѣляевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная
 цѣна на
 журналъ 1 р.
 съ перес.; вы-
 ходитъ
 12 разъ въ
 годъ.

АДРЕСЪ:
 Сергіевъ по-
 садъ, Моск.
 губ., въ Ре-
 дакцію „Бо-
 жіей Нивы“.